

# История Доктора Дулитла

## ГЛАВА 1. ПАДЛБИ-НА-БОЛОТЕ

Однажды, много лет тому назад, когда наши дедушки были совсем юными, жил на свете доктор и звали его Дулитл, Джон Дулитл, Д. М. «Д. М.» значит, что он был самый настоящий доктор и знал целую кучу всяких полезных вещей.

Жил он в маленьком городке, который назывался Падлби-на-болоте.

Жители — молодые и старые — знали его в лицо. И стоило ему в своем высоком цилиндре появиться на улице, как все говорили: «Вот идет Доктор, он очень умный». Отовсюду немедленно сбегались собаки и дети и толпой следовали за ним, и даже жившие на колокольне вороны кивали ему и каркали.

Домик Доктора стоял на окраине города и был просто крошечный. Зато его окружал большущий сад, на лужайке росли плакучие ивы и свешивались на каменные скамейки. Его сестра, Сара Дулитл, вела все хозяйство, но за садом Доктор ухаживал сам.

Он ужасно любил зверей и, конечно, держал у себя целую компанию. В пруду, на самом краю сада, жила золотая рыбка, в кладовой — кролики, в пианино — белая мышь, в бельеовом чулане — белка, а в погребе — еж. А еще у Доктора приютилась корова с телянком, старая хромая лошадь — ей стукнуло уже двадцать пять, — цыплята, голуби, два ягненка и много-много всяких других. Но самыми любимыми друзьями Доктора были утка Даб-Даб, собака Джип, поросенок Габ-Габ, попугай Полинезия и филин Гу-Гу.

Его сестра всегда ворчала на зверей и жаловалась, что они пачкают в доме. Как-то раз одна пожилая леди, страдающая ревматизмом, пришла на прием к Доктору и присела на диван. На диване как раз спал еж... С тех пор она больше не приходила и ездила каждую субботу к другому доктору в Оксенторп, хоть это в целых десяти милях от Падлби.

Тогда Сара Дулитл сказала брату:

— Джон, неужели ты думаешь, что больные придут к тебе лечиться, ведь тут все просто кишит разной живностью! Какой же ты доктор, если в твоём кабинете полным-полно мышей и ежей! Посуди сам, твои звери попросту выгнали троих, эта леди — четвертая. И знаешь, я сама слышала, как судья Дженкинс и пастор божились, что не ступят сюда ни ногой, как бы худо им ни

пришлось. С каждым днем у нас все меньше и меньше денег. Если так пойдет и дальше, порядочные люди откажутся иметь с тобой дело.

— Но я люблю животных гораздо больше, чем порядочных людей, — признался Доктор.

— Ты просто смешон, Джон Дулитл, — заявила Сара и хлопнула дверью.

Шло время, в доме Доктора появились новые звери, а люди приходили к нему все реже и реже. В конце концов у Доктора не осталось ни одного пациента, кроме Продавца Кошачьей Еды — он-то ничего не имел против зверей. Но Продавец Кошачьей Еды тоже не был особенно богатым, да и болел он всего раз в год, на Рождество. Обычно он платил Дулитлу шестипенсовик за пузырек с лекарством. А дело в том, что даже тогда, много лет назад, никто не мог прожить на шесть пенсов в год. И кто знает, как повернулась бы наша история, если бы в копилке у Доктора не звенели сбереженные монетки. И его дом продолжал наполняться гостями, и всех их нужно было кормить; конечно, сбережения в копилке таяли и таяли. Пришлось продать пианино, и мышь переселилась в ящик комода, но и этим деньгам пришел конец, и Доктор продал выходной коричневый костюм. Так он становился все беднее и беднее.

Теперь, когда он шел по улице в своем высоком цилиндре, люди глядели на него и перешептывались: «Вот идет Джон Дулитл, доктор медицины. Когда-то он был самым знаменитым врачом в Западной Англии. Посмотрите — теперь у него нет денег и он носит дырявые носки!»

Но собаки, кошки и дети по-прежнему выбегали из подворотен и провожали Доктора через весь город, совсем как в те времена, когда он был богатым.

## ГЛАВА 2. ЯЗЫК ЗВЕРЕЙ

Однажды у Продавца Кошачьей Еды заболел живот, и он пришел к Доктору, и вот они сидели на кухне и беседовали.

— А почему бы вам не бросить всю эту ерунду и не заделаться звериным доктором? — спросил Продавец Кошачьей Еды.

Попугай Полинезия — собственно, это была попугаиха, — устроившись на подоконнике, смотрела на дождь и напевала под нос моряцкую песню. Вдруг она замолчала и прислушалась.

— Ну, сами посудите, — продолжал Продавец Кошачьей Еды, — ведь вам про зверье все известно, и сравнивать нечего с этими — ветеринарами. А книжка,

что вы про кошек сочинили, — да ей цены нет! Я сам-то ни читать, ни писать не умею, хоть и написал бы парочку книжек с радостью. Зато моя жена, Теодозия, она-то грамотей. Вот она и прочитала мне вашу книгу — чудесная, ничего не скажешь, просто чудесная. Может, вы на самом деле — Кот? Иначе откуда бы вам знать, как у них мысли устроены? Послушайте, Дулитл, вы же можете отлично заработать, честное слово! Знаете, я буду отсылать к вам всех старушек с больными собаками и кошками. А если они не очень будут болеть — что ж, придется кой-чего подсыпать в мясо, которое я продаю, это уж точно поможет.

— Ох, нет! — быстро отозвался Доктор. — Это невозможно. Это неправильно.

— Господи, да я не имел в виду, что они взаправду заболеют, — сказал Продавец Кошачьей Еды. — Просто будут немножко понурые, вот и все. Хотя, может, вы и правы, может, это не совсем честно по отношению к ним. Не беда, Дулитл, они все равно заболеют, потому что хозяйки разрешают им объедаться. Да к тому же все окрестные фермеры, у кого лошадь охромела или ягненок слабенький, — все придут. Мой вам совет — становитесь-ка звериным доктором.

Когда Продавец Кошачьей Еды ушел, Полинезия слетела с подоконника и, усевшись на столе перед Доктором, заявила:

— Этот человек дело говорит. Именно так тебе и следует поступить — стать звериным доктором. У глупых людей не хватает мозгов понять, что ты — лучший в мире доктор, ну и брось их, займись зверями, они быстро сообразят, что к чему. Звериным доктором — вот кем тебе надо быть!

— Таких звериных докторов хоть пруд пруди, — пробормотал Джон Дулитл, выставляя цветочные горшки на улицу, под дождь.

— Таких — да не таких, — рассердилась Полинезия. — Они все никуда не годятся. Слушай внимательно, Доктор, я тебе кое-что расскажу. Ты знаешь, что животные умеют разговаривать?

— Что касается попугаев — да, — ответил Доктор.

— О, мы, попугаи, говорим на двух языках — на человеческом и на птичьем, — гордо сообщила Полинезия. — Если я скажу: «Полли хочет печенья», ты поймешь меня. А как насчет этого: «Кр-р-ра-ка-уй-а-чак-чак»?

— Боже мой! — закричал Доктор. — Что это значит?

— На птичьем языке это значит: «Каша еще горячая?»

— Ну и ну! Не может быть! — схватился за голову Доктор. — Ты никогда раньше

так не разговаривала...

— А зачем? — поинтересовалась Полинезия, стряхивая с левого крыла крошки от печенья. — Ты бы все равно не понял.

— Расскажи еще, — попросил Доктор, очень взволнованный. Он кинулся к ящику кухонного стола и достал оттуда тетрадку и карандаш. — Только не очень быстро, я буду записывать. Интересно, как интересно, просто невозможно поверить! Давай начнем с птичьего алфавита, и не торопись.

Вот так Доктор узнал, что у зверей есть свой собственный язык и они могут разговаривать друг с другом. Весь день, пока шел дождь, Полинезия сидела на кухонном столе и диктовала птичьи слова, а Доктор записывал их в тетрадку.

Когда пришло время пить чай, в кухню вошел Джип, и попугаиха шепнула Доктору:

— Посмотри, он обращается к тебе.

— А по-моему, он чешет ухо, — сказал Доктор.

— Неужели обязательно пользоваться ртом? — воскликнула Полинезия, и ее брови изумленно поползли вверх. — Животные говорят ушами, лапами, хвостами — да чем угодно. Иногда им просто не хочется шуметь. Как же ты не видишь, что он вздергивает половинку носа!

— Ну и как это понимать?

— «Ты не заметил, что дождь уже кончился?» — вот что он спрашивает. Собаки довольно часто задают вопросы носами.

Через некоторое время Доктор с помощью попугая так хорошо выучил звериный язык, что не только мог говорить, но и почти все понимал. Тогда-то он и бросил свою старую работу навсегда.

Стоило Продавцу Кошачьей Еды разнести слух, что Джон Дулитл собирается стать ветеринаром, старушки так и хлынули в Падлби со своими мопсами и пуделями, съевшими слишком много торта и фермеры приходили издалека — показать боль ных коров и овец.

Однажды к нему привели рабочую лошадь. Бедняжка была ужасно рада наконец встретить человека, понимающего ее язык.

— Представляете, Доктор, — пожаловалась лошадь, — тот ветеринар совсем ничего не сообщает. Вот уже шесть недель он лечит меня от костного шпата.

А все, что мне нужно, это очки. Я почти ослепла на один глаз. Почему бы лошадям не носить очки, как людям? Но этот болван из-за холма ни разу не взглянул мне в глаза? Он давал мне громадные пилюли. Я пробовала объяснить ему, но, разумеется он не понял ни слова. Господи, все, что мне нужно, это очки.

— Конечно-конечно, — заторопился Доктор, — сейчас я тебе что-нибудь подберу.

— Мне очень нравятся ваши, я тоже хочу такие, только зеленые, — попросила лошадь, — они спасут мои глаза от солнца, когда я потащу плуг через поле в пятьдесят акров.

— Ну, разумеется, — согласился Доктор, — тебе подойдут именно зеленые очки.

— Вся беда в том, — сказала лошадь, когда он вышел проводить ее, — вся беда в том, что любой идиот может преспокойно заниматься лечением зверей, — они ведь не будут жаловаться. А на самом деле это еще труднее, чем с людьми. Сын моего фермера воображает, что он великий знаток лошадей. Если бы вы его видели: такой жирный — глаз почти не видно, а мозгов — не больше, чем у колорадского жука. Так вот он на прошлой неделе попытался поставить мне горчичники!

— И куда он их поставил? — поинтересовался Доктор.

— О, на меня — никуда? — засмеялась лошадь. — Он только попытался. Я так лягнула его, что он улетел в утиный пруд.

— Ну-ну, — сказал Доктор.

— Как правило, я очень спокойная, — продолжала лошадь, — и с людьми терпеливая, никаких скандалов. Но меня допек ветеринар неправильным лекарством, и когда этот придурок тоже полез не в свое дело, я не выдержала.

— Ты не сильно поранила мальчика? — спросил Доктор.

— Да нет, — отозвалась лошадь, — я наподдала ему в самое подходящее место. Теперь за ним присматривает мой коновал. Скажите лучше, когда очки будут готовы.

— На следующей неделе. — Доктор немногоподумал. — Приходи во вторник. До свидания!

И Джон Дулитл раздобыл отличные большие зеленые очки, и лошадь перестала слепнуть на один глаз и видела мир так же ясно, как раньше.

Скоро все привыкли к тому, что в окрестностях Падлби многие животные носят

очки, а слепых лошадей теперь не было и в помине.

Со всеми зверями, попадавшими к Доктору, происходило то же самое. Обнаружив, что Доктор понимает их язык, они сразу объясняли, где у них болит и как они себя чувствуют, — конечно, лечить их стало проще простого. Возвращаясь по домам, они рассказывали друзьям и близким, что в маленьком домике посреди большого сада живет доктор, настоящий доктор. И если кто-нибудь заболел — не только лошадь, корова или собака, но и всякая мелкая полевая тварь — мышь, водяная крыса, землеройка, барсук — он немедленно направлялся к домику на окраине города, и большой сад всегда был переполнен разной живностью, и все толпились у входа, пытаясь пробраться внутрь. Зверей было так много, что Доктору пришлось придумать специальные входы-выходы — для каждого вида отдельные. Он написал: «ЛОШАДИ» на передней двери, «КОРОВЫ» — на боковой и «ОВЦЫ» — на двери кухни. Каждый вид имел свой отдельный вход, даже для мышей Доктор соорудил крохотный туннель, ведущий прямо в погреб. Там они и ждали, сидя терпеливыми рядами, ждали, когда очередь дойдет и до них.

Через несколько лет обитатели полей на много миль вокруг прослышали о Джоне Дулитле, докторе медицины. А перелетные птицы сообщили заморским животным об удивительном целителе из Падлби-на-болоте, который понимает язык зверей и готов помочь им в любой беде. Раньше его знали все люди на Западном побережье, а теперь он прославился на весь мир. Он был очень счастлив и очень доволен жизнью.

Однажды Доктор приводил в порядок свои записи, а Полинезия, как обычно, сидела на подоконнике и смотрела, как ветер расшвыривает листья в саду. Внезапно она громко рассмеялась.

— Что случилось, Полинезия? — Доктор взглянул на нее поверх тетрадки.

— Я просто думала, — ответила она, продолжая наблюдать за листьями.

— О чем же ты думала?

— Я думала о людях, — пояснила Полинезия. — Меня от них тошнит. Им кажется, что они такие замечательные. Наш мир существует тысячи лет, а эти двуногие удосужились понять только одно: если собака виляет хвостом, она рада. Правда, забавно? Ты — самый первый человек, говорящий, как мы. Иногда они меня ужасно раздражают, знаешь, когда эдак задирают нос и обсуждают поведение немых животных. Немых! Пф! Как-то я познакомилась с одним ара, так он мог пожелать тебе доброго утра семью разными способами и при этом ни разу не открыть рта. Он говорил на всех языках и, разумеется, на греческом. Его

купил седобородый профессор. Так вот, он там не остался. И знаешь почему? Потому что греческий этого профессора оставлял желать лучшего, а он еще имел наглость его преподавать. Подумать только — преподавать плохой греческий! Да, интересно, как он поживает, — в географии, например, он разбирался так, как люди и мечтать не могут. О Господи, люди! Если они, чего доброго, когда-нибудь научатся летать вроде обычной трясогузки — пиши пропало: трескотни будет до скончания века.

— Ты очень мудрая птица, — задумчиво произнес Доктор. — А сколько тебе лет? Я слышал, что попугаи и слоны иногда доживают до глубокой-глубокой старости.

— К сожалению, я не совсем уверена, — ответила Полинезия, — то ли сто восемьдесят три, то ли сто восемьдесят два. Но я помню совершенно отчетливо, что, когда я впервые приехала из Африки, Король Чарльз все еще прятался на дубе, я его видела. Он казался ужасно испуганным.

## **ГЛАВА 3. НОВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ**

И вот Джон Дулитл снова начал зарабатывать деньги, его сестра Сара купила красивое платье и была совершенно счастлива.

Некоторые из приходивших зверей так плохо себя чувствовали, что от слабости не могли двигаться и оставались у Доктора на несколько дней. Когда им становилось лучше, Доктор рассаживал их в шезлонгах по всей лужайке. И, конечно, довольно часто, уже совсем поправившись, зверюшки не хотели уходить — так привыкали они к дому и его хозяину. У него не хватало духа отказать просившим разрешения остаться, и их становилось все больше и больше.

Однажды вечером Доктор сидел на садовой изгороди и курил трубку, а мимо брел итальянский шарманщик с обезьяной на веревке. Доктор сразу заметил, что ошейник впивается ей в шею, что она грязная и очень несчастная. Доктор отнял обезьяну у шарманщика, а взамен дал ему шиллинг и велел скорее уходить.

Шарманщик страшно разозлился, он вовсе не собирался расставаться с обезьяной. Тогда Доктор погрозил ему кулаком и пообещал разбить нос, а надо сказать, что Джон Дулитл был хотя и невысокого роста, но довольно сильный. Итальянец ушел, громко и грубо ругаясь, а обезьяна осталась у Доктора Дулитла, и ее новое жилище оказалось куда лучше прежнего. Звери дали ей имя Чи-Чи — это самое обычное слово в обезьяньем языке, и значит оно

«имбирь».

В другой раз случилось вот что. В Падлби приехал цирк, а у циркового крокодила ужасно болел зуб. Темной ночью он убежал и пробрался в сад к Доктору. Доктор поговорил с ним по-крокодильи, пригласил в дом и вылечил зуб. А крокодил, разглядев, что за симпатяга этот дом со всеми своими входами-выходами и помещениями для разных животных, тоже захотел здесь жить. Он попросился ночевать в рыбьинном пруду на краю сада и поклялся не есть рыбу, а когда за ним пришли циркачи, он притворился таким диким и свирепым, что они в страхе убежали прочь. На самом же деле он был ласковый и кроткий, как котенок.

Но старушки из-за этого крокодила боялись нести к Дулитлу своих болонок, да и фермеры не очень-то верили, что ужасная зверюга не тронет больных ягнят и телят, и тоже остерегались. Пришлось Доктору просить крокодила вернуться в цирк. Но он заплакал такими огромными слезами, так отчаянно взмолился, что Доктор не стал настаивать. Тогда Сара Дулитл пришла и заявила:

— Джон, ты должен выгнать эту рептилию. Ты же видишь — и фермеры, и старушки боятся обращаться к тебе, а ведь мы только-только встали на ноги. Я чувствую, скоро произойдет катастрофа. Джон, это последняя капля. Я не буду вести твое хозяйство, если ты не прогонишь этого аллигатора!

— Это не аллигатор, — объяснил Доктор, — это крокодил.

— Мне не важно, как он называется, — заупрямилась Сара. — Это гадость, которая вечно валяется под кроватью. Я не желаю иметь его в доме.

— Понимаешь, Сара, — продолжал Доктор, — он обещал мне никогда больше не кусаться. Он ненавидит цирк, а у меня пока не хватает денег отправить его на родину, в Африку. Он помнит о своем обещании и, в общем, замечательно себя ведет. Ну, пожалуйста, не надо так нервничать.

— Говорю тебе, не хочу я его видеть! — закричала Сара. — Он ест линолеум. Если ты не выгонишь его сию же секунду, я... я — уйду и выйду замуж!

— Что ж, — пробормотал Доктор, — иди и выходи замуж. Ничего не поделаешь.

Он снял с вешалки шляпу и отправился гулять в сад.

Сара Дулитл запаковала вещи и уехала, а Доктор остался со своей громадной звериной семьей. И очень скоро действительно стал беднее, чем когда-либо прежде. Ведь все эти рты хотели есть, хозяйство начало потихоньку разваливаться, и некому было привести его в порядок, мясник требовал

уплатить по счету, — словом, дела шли хуже некуда. Но Доктор ничуть не тревожился.

— От денег одни неудобства, — частенько говаривал он. — Только представьте себе, какой замечательной могла бы быть жизнь, — и зачем только их придумали? А мы — нам и дела до них никакого нет!

Но постепенно звери забеспокоились и как-то вечером, когда Доктор задремал прямо в кресле у кухонного огня, шепотом принялись обсуждать ситуацию. Филин Гу-Гу — а он отлично разбирался в арифметике — сообщил, что денег у них хватит ровно на неделю, да и то если питаться только раз в день. И тогда Полинезия сказала:

— В таком случае, мы должны сами выполнять всю работу по дому. Хотя бы это. Ведь в конце концов именно из-за нас старый Доктор превратился в брошенного одинокого бедняка.

И договорились: Чи-Чи займется стряпней, штопкой и всякой мелкой починкой, Джип будет подметать пол, утка — вытирать пыль и стелить постели, филин приведет в порядок счета, а поросенок присмотрит за садом. Полинезию назначили домоправительницей, ведь она была самой опытной, а заодно поручили ей и стирку белья.

Конечно, поначалу пришлось нелегко — попробуй-ка обойдись без таких рук, как у человека или у Чи-Чи! Но постепенно они приспособились. Особенно забавно было наблюдать, как Джип подметает пол вместо веника собственным хвостом, завернутым в тряпку. В конце концов они так наловчились, что Доктору пришлось признать: никогда еще его жилище не было таким убранным и чисто вымытым. И все бы шло превосходно, только денег не было ни пенса, поэтому решили — сразу за калиткой построить ларек и продавать проходящим мимо людям редиску и розы. Вырученных денег не хватало, чтобы оплатить счета, но Доктор не придавал этому ровно никакого значения. Даже услышав, что рыбник отказался давать рыбу в долг, он беспечно заметил:

— Какая ерунда! Куры несут яйца, у коровы достаточно молока — значит, мы всегда сможем приготовить омлет и сладкий творог. А в саду полным-полно овощей. До зимы далеко, не надо нервничать. Вот в чем было дело с Сарой — она нервничала. Интересно, как у нее дела? Чудесная женщина, в некотором роде, разумеется.

Но снег в том году выпал даже раньше, чем обычно, и, хотя старая хромая лошадь притащила из ближнего леса огромную вязанку дров, так что тепла, по крайней мере, можно было не жалеть многие звери по-настоящему голодали.

Ведь те немногие овощи, что еще оставались в саду, были теперь похоронены под глубоким снегом.

## ГЛАВА 4. ПОСЛАНИЕ ИЗ АФРИКИ

Зима наступила очень холодная. Однажды декабрьским вечером, когда все уселись вокруг кухонного очага и, наслаждаясь теплом, слушали, как доктор читает свою новую книгу, написанную на зверином языке, филин Гу-Гу вдруг встрепенулся:

— Т-с-с! Что это за шум?

Все затаили дыхание и услышали звук чьих-то торопливых шагов. Дверь распахнулась, и, запыхавшись, вбежала Чи-Чи.

— Доктор! — закричала она. — Я только что получила письмо из Африки, от моей двоюродной сестры. Там у обезьян какая-то страшная болезнь. Ужасно заразная, они умирают сотнями! Они слышали о вас и умоляют приехать и помочь!

— Кто принес это письмо? — спросил Доктор, отложив книгу и снимая очки.

— Ласточка, — ответила Чи-Чи. — Она сидит на водосточном желобе.

— Скорее позови ее сюда, — заволновался Доктор. — Она, наверное, умирает от холода — ведь ласточки улетели на юг шесть недель назад!

И Чи-Чи принесла с улицы дрожащий комочек перьев. Сначала ласточке было немного не по себе, но скоро она согрелась и, устроившись на каминной полке, принялась рассказывать.

А когда она закончила, Доктор сказал:

— Что ж, я с удовольствием съездил бы в Африку, особенно в такую паршивую погоду, но боюсь, у нас не хватит на билеты. Чи-Чи, достань, пожалуйста, копилку.

Обезьяна проворно забралась на верхнюю полку.

В копилке было пусто. Ни единого пенни.

— Почему-то мне казалось, что здесь оставался двухпенсовик, — расстроился Доктор.

— Ну да, оставался, — проворчал филин, — но вы же купили погремушку

барсучьему детенышу, когда у него резались зубы.

— Правда? — удивился Доктор. — Вот так всегда — одно беспокойство от этих денег. О Господи! Ну да как-нибудь. Надо добраться до моря — я попробую достать там корабль. У меня есть знакомый моряк, его ребенок, помнится, болел корью. Да-да, а потом он поправился, я вылечил его. Может быть, этот человек одолжит нам корабль.

На следующий день рано утром Джон Дулитл отправился к морю. Вернулся он очень довольный: все было в порядке, моряк действительно разрешил ему взять корабль, чтобы плыть в Африку.

Крокодил, Чи-Чи и Полинезия ужасно обрадовались и запели веселую песню — ведь они возвращались на родину. А Доктор сказал:

— Со мной сможете поехать только вы трое, а еще Джип, утка Даб-Даб, поросенок Габ-Габ и филин Гу-Гу. Всем остальным: соням, водяным крысам, летучим мышам придется вернуться и жить, где они жили раньше, ну, во всяком случае, пока мы не приедем обратно. Ничего страшного, все равно зимой они по большей части спят, да и Африка может им повредить.

Полинезия, опытный мореплаватель, взялась учить Доктора разным морским премудростям. — Надо как следует запастись сушеным хлебом, — советовала она. — Это называется «морские сухари». И не забудь солонину в бочках — и, конечно, якорь.

— Мне кажется, на этом корабле есть свой якорь, — заметил Доктор.

— Вполне вероятно, — не стала спорить Полинезия, — потому что это очень важно. Понимаешь, без якоря ты не можешь остановиться. А еще тебе нужен колокол.

— Это еще зачем? — удивился Доктор.

— Ну как же — чтобы не перепутать время. Ты бьешь в него каждые полчаса и тогда точно знаешь, сколько времени. Да, захвати веревок — и побольше. Обязательно. Без них в плавании не обойтись.

Звери принялись размышлять. Они понятия не имели, где раздобыть денег, чтобы запастись всем необходимым.

— Ох, черт подери! — закричал Джон Дулитл. — Опять деньги? Скорей бы попасть в Африку — там-то уж нам не придется с ними связываться. Пойду к бакалейщику — может, он согласится подождать с оплатой до моего возвращения. Нет. Пошлю-ка я к нему моряка.

Моряк быстро уговорил бакалейщика и вернулся, нагруженный припасами и снаряжением.

Звери собрались в дорогу. Они перекрыли воду, чтоб она не замерзла и не разорвала трубы, заколотили ставни, заперли двери и отдали ключи старой лошади, жившей в хлеву. Убедившись, что наваленного на повети сена ей с лихвой хватит на зиму, они перетащили свой багаж к берегу моря. Корабль ждал их, готовый пуститься в путь.

Конечно, их провожал Продавец Кошачьей Еды. Он подарил Доктору огромный пудинг с нутряным салом — до него дошел слух, что таких пудингов за границей не найти, не бывает их там, и точка.

Едва забравшись на корабль, поросенок Габ-Габ заволновался. Пробило четыре, и он искал кровать, чтобы вздремнуть немного, — так уж он привык. Полинезия отвела его вниз и показала развешанные по стенам одна над другой кровати — точь-в-точь как книжные полки.

— Ой-ой! Это не кровать! — завопил Габ-Габ. — Это полка!

— На кораблях всегда такие кровати, — сообщила ему попугаиха. — Залезай и спи себе спокойно. Это вовсе не полка. Это называется «койка».

— Что-то мне расхотелось спать, — объявил Габ-Габ. — Я ужасно волнуюсь. Хочу наверх, посмотреть, как мы поплывем!

— Очень натурально, — отметила Полинезия, — ведь это твое первое путешествие. Не отчаивайся — скоро привыкнешь.

Она повернулась и заковыляла обратно по корабельным ступенькам, тихонько напевая такую вот песню:

Красное море и Черное море,  
Оранжевая река.  
Знаю, как волны режут на просторе,  
Когда вода глубока.  
Нил голубой и Дунай голубой,  
Белого моря холодный прибой —  
Сыт я по горло проклятой водой!

Дженни, я скоро увижусь с тобой,  
Я тороплюсь домой!

Все было совсем-совсем готово, когда Доктор засобирился обратно на берег, — оказалось, он забыл спросить у моряка, как добраться до Африки. Но ласточка остановила его. Она сказала, что много раз бывала в тех краях и с удовольствием покажет им дорогу.

Джон Дулитл скомандовал Чи-Чи поднять якорь, и плавание началось.

## **ГЛАВА 5. ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ**

И вот уже шесть недель они плыли по бурлящему морю, и ласточка, летевшая впереди, показывала дорогу. По ночам она брала в клюв крохотный фонарик — чтобы корабль в темноте не сбился с пути, — и люди с проходящих судов наверняка принимали этот свет за падающую звезду.

Они плыли все дальше и дальше на юг, становилось все теплее и теплее. Чи-Чи, Полинезия и крокодил так радовались горячему солнцу, что места себе не находили. Заливаясь беспричинным хохотом, они носились по палубе, то и дело, замерев, зорко вглядывались в даль — не показалась ли Африка.

А вот поросенок, собака и филин Гу-Гу ужасно мучались из-за жаркой погоды. Их хватало только на то, чтобы, высунув языки и развалившись на корме в тени большой бочки, прихлебывать лимонад.

Утка Даб-Даб придумала другой способ спасения от жары: каждый раз, когда ее макушка слишком уж сильно нагревалась, она ныряла под корабль с одной стороны и выскакивала из воды — с другой. По вторникам и пятницам Даб-Даб выныривала, прихватив с собой селедку, и в эти дни все на борту ели только селедку, чтобы немного сэкономить припасенную говядину.

У самого экватора они заметили летучих рыб, спешивших изо всех сил. Рыбы хотели поскорее узнать, кому принадлежит корабль, и, услышав, что это плывет Доктор Дулитл, очень обрадовались, ведь их послали африканские обезьяны, почти потерявшие надежду. Полинезия спросила, далеко ли до Африки. Оказалось, до побережья оставалось всего пятьдесят пять миль.

В другой раз корабль окружили дельфины. Они танцевали на волнах и хором спрашивали, не здесь ли находится знаменитый Джон Дулитл. Получив ответ, дельфины не успокоились, им захотелось сделать для Доктора что-нибудь приятное.

— Вот, кстати, — обрадовалась Полинезия. — У нас как раз кончился лук.

— Недалеко отсюда есть остров! — закричали дельфины. — Там растет высокий и сочный дикий лук? Плывите все прямо и прямо, а мы скоро вернемся!

И они умчались, но через несколько минут уже торопились обратно, волоча по волнам большие сетки, сплетенные из водорослей и туго набитые луком.

А на следующий день, на закате, Доктор сказал:

— Дай-ка мне подзорную трубу, Чи-Чи. Вот, кажется, и приплыли. Еще чуть-чуть, и мы увидим африканский берег.

Через полчаса от усердия у всех заболели глаза, и они решили, что впереди виднеется земля. Впрочем, внезапно стало до того темно, что ничего нельзя было утверждать с полной определенностью. Начался чудовищный шторм, с громом и молниями. Завыл ветер, потоки дождя обрушились на корабль, а волны вздымались такие высокие, что перехлестывали через борт.

И вдруг раздался оглушительный хруст. Судно остановилось и накренилось набок.

— Что случилось? — заволновался Доктор, поднявшись на палубу.

— Не могу сказать наверняка, — отозвалась Полинезия, — но, кажется, мы потерпели кораблекрушение. Позови-ка утку, надо проверить.

Даб-Даб прыгнула в волны и, вынырнув, сообщила, что они наскочили на риф, в днище — огромная дыра, туда прямо-таки хлещет водища, и корабль быстро тонет.

— Но нам необходимо попасть в Африку! — помрачнел Доктор. — Боже мой, Боже мой, что же делать? Придется добираться вплавь.

Но Чи-Чи и Габ-Габ совсем не умели держаться на воде.

— Достать веревку! — скомандовала Полинезия. — Я же предупреждала, что она пригодится. Где эта утка? Иди-ка сюда, Даб-Даб. Хватай тот конец, лети на берег и привяжи его к пальме. Другой конец мы прикрепим здесь. А теперь, неумехи, цепляйтесь и ползите потихоньку, пока не доберетесь до суши.

И вот, кто по воздуху, кто вплавь — все достигли берега в целости и сохранности. А Габ-Габ и Чи-Чи, которые перебирались по веревке, захватили с собой чемодан Доктора и его сумку.

Но корабль пришел в полную негодность, ведь у него была дыра в днище. Свирепое море вдребезги расколотило его о прибрежные утесы и унесло обломки прочь.

Укрывшись в славной сухой пещере, высоко над бушующими волнами, они переждали бурю. А утром, когда снова выглянуло солнце, все спустились на песчаную отмель, чтобы немного обсушиться.

— Старая добрая Африка! — вздохнула Полинезия. — Хорошо, что я вернулась. И до чего удачно — завтра как раз годовщина моего отъезда, ровно сто шестьдесят девять лет. Кажется, здесь все по-прежнему. Те же старые пальмы, та же древняя красная земля. Да, что и говорить, дом — это дом.

И звери заметили слезы в ее глазах, слезы радости от встречи с родимой страной.

Доктору очень не хватало цилиндра — его сдуло в море во время шторма. Даб-Даб отправилась на поиски и скоро заметила, как вдали на волнах покачивается что-то похожее на игрушечную лодку. Подлетев поближе, утка обнаружила пропавшую шляпу, а в шляпе — неожиданно белую мышь, дрожащую от страха.

— Ты что здесь делаешь? — набросилась на нее Даб-Даб. — Тебе же было велено оставаться в Падлби!

— А я не хотела оставаться, — затараторила мышь, — я решила посмотреть, на что похожа ваша Африка. К тому же у меня здесь родственники. Я спряталась в багаж и попала на корабль вместе с морскими сухарями. А когда корабль затонул, ох, как я испугалась — пловец-то из меня никудышный. Вот и плыла, плыла, пока сил хватало, совсем измучилась, думала — конец. Тут мне и подвернулась шляпа нашего старого Доктора. Конечно, я забралась сюда, уж больно помирать не хотелось.

Утка вытащила из воды шляпу с мышью и отнесла на берег Доктору. Все собрались вокруг мокрого цилиндра, разглядывая нарушительницу, а Полинезия заметила:

— Безбилетный пассажир — вот как это называется.

Чтобы освободить для мыши удобное местечко, пришлось вывалить вещи из чемодана и укладывать их по-новому. Вдруг Чи-Чи предостерегающе подняла палец:

— Тише! Я слышу в джунглях чьи-то шаги.

Все замолчали и насторожились. Из-за деревьев вышел очень черный человек.

— Что вам здесь надо? — спросил он.

— Я Джон Дулитл, доктор медицины, — объяснил Доктор. — Меня позвали в Африку лечить больных обезьян.

— Вы все должны явиться к Королю, — потребовал негр.

— К какому еще королю? — пытался протестовать Доктор, который не хотел терять напрасно ни одной минуты.

— Королю Джоллиджинкии. — Негр был непоколебим. — Вся земля принадлежит ему. Каждый чужестранец обязан предстать перед ним. Следуйте за мной.

Путешественники кое-как собрали вещи и углубились в джунгли, покорно следуя за черным человеком.

## **ГЛАВА 6. ПОЛИНЕЗИЯ И КОРОЛЬ**

Продравшись сквозь густые заросли, они попали на широкую, ровную поляну. Посередине стоял королевский дворец, слепленный из какой-то особенной грязи. Здесь жил Король со своей Королевой Эрминтрудой и сыном Бампо. Принца не оказалось дома — он ловил на реке лосося. А Король с Королевой восседали перед дворцовой дверью, защищенные от солнца зонтом, причем Королева Эрминтруда дремала.

Выслушав объяснения Доктора, Король заявил:

— Вы не имеете права путешествовать по моей земле. Много лет назад один белый человек очутился на этом побережье. Я был очень добр к нему. А он выкопал в моей земле ямы, чтобы достать оттуда золото. Он убил всех слонов, чтобы отнять у них бивни. А потом уплыл — ночью, тайком, даже не поблагодарив меня. И никогда больше я не позволю ноге белого человека ступить на землю Джоллиджинкии.

Он повернулся к стоящим рядом неграм и приказал:

— Заберите медицинского человека и этих животных и заприте в самой крепкой из моих темниц!

Шестеро черных людей схватили Доктора вместе с его друзьями и бросили в каменную тюрьму.

Крошечное оконце под самым потолком было зарешеченным, дверь — крепкой и толстой. Настроение у всех совсем испортилось, а поросенок Габ-Габ даже заплакал. Чи-Чи тут же пригрозила отшлепать его, если отвратительный рев не прекратится, и он быстро успокоился.

— Никто не потерялся? — спросил Доктор, когда его глаза немного привыкли к тусклому свету.

— Вроде бы никто, — ответила утка, но решила все-таки проверить и посчитать.

— А где Полинезия? — спохватился крокодил. — Ее нет.

— Ты уверен? — встревожился Доктор. — Надо искать. Полинезия! Полинезия! Где ты?

— Мне кажется, она удрала, — проворчал крокодил. — Вполне в ее духе. Бросить друзей в беде и потихоньку улизнуть.

— Я не из таких, — с достоинством произнесла попугаиха, выбираясь из заднего кармана докторского пальто. — Видите ли, я совсем маленькая и могу свободно пролезть сквозь прутья вон той решетки. Приходилось опасаться, что меня упрячут в отдельную клетку. Я решила не рисковать и, пока Король был занят своей речью, укрылась у Доктора в кармане. И вот я здесь. Ловкий маневр — вот как это называется.

И Полинезия замолчала, приглаживая клювом взлохмаченные перья.

— Боже милостивый! — закричал Дулитл. — Какое счастье, что я не успел на тебя сесть!

— А теперь слушайте, — сказала Полинезия. — Сегодня вечером, когда как следует стемнеет, я протиснусь через прутья решетки и слетаю во дворец. И поверьте мне на слово — я заставлю этого Короля выпустить вас отсюда!

— Ой, да что ты можешь сделать? — Габ-Габ шмыгнул носом и всхлипнул. — Ты же всего-навсего птица...

— Совершенно верно, — согласилась Полинезия. — Но не забывай, пожалуйста, что я — всего-навсего птица, говорящая по-человечески. Да и черномазых я знаю как облупленных.

И вот поздно вечером, когда королевские люди спали, освещенные лунным

светом, пробивающимся сквозь пальмовую листву, попугаиха бесшумно проскользнула между железными прутьями и полетела по направлению к дворцу.

Окно буфетной неделю назад было разбито теннисным мячиком, и Полинезия через дырку в стекле с легкостью проникла внутрь. Она услышала, как в дальней комнате похрапывает Принц Бампо, и стала на цыпочках взбираться по лестнице, пока не добралась и до королевской спальни. Очень осторожно она приоткрыла дверь и заглянула в щелку.

Королевы не было, она ушла к двоюродной сестре на танцы, а Король лежал в постели и крепко спал.

Полинезия, стараясь не стучать когтями, подкралась и залезла под кровать. Потом покашляла — в точности как кашлял обычно Джон Дулитл, ведь она умела передразнивать кого угодно.

Король открыл глаза и сонно пробормотал:

— Это ты, Эрминтруда?

Ему показалось, что Королева наконец вернулась с танцев.

Полинезия снова закашлялась — громко, по-мужски. Король, совершенно проснувшись, сел в постели и спросил:

— Кто это?

— Я, Джон Дулитл, — ответила птица голосом Доктора.

— Что ты делаешь в моей спальне? — завопил Король. — Как ты посмел выйти из тюрьмы? И где ты — я не вижу тебя!

Полинезия засмеялась — раскатисто, весело, басовито, точь-в-точь, как Доктор.

— Прекрати немедленно этот смех, — сказал Король, — и подойди, чтобы я мог тебя видеть.

— Глупый Король! — отозвалась наконец Полинезия. — Неужели ты забыл, что имеешь дело с Джоном Дулитлом, Доктором медицины, самым удивительным человеком на свете? Конечно, ты не видишь меня, ведь сейчас я невидимый. Все в мире подвластно мне. Слушай и запоминай. Сегодня я пришел с предупреждением. Если ты не разрешишь мне и моим животным свободно путешествовать по твоим владениям, я заражу всех вас страшной обезьяньей болезнью. Да, я умею лечить, но умею и насылать хворь. Поднять мизинец — вот

и все, что мне нужно для этого. Скорее пошли солдат отпереть дверь тюрьмы! Если не послушаешься, то, прежде чем солнце взойдет над холмами Джоллиджинкии, ты заболеешь свинкой!

В ужасе Король задрожал и затрясся.

— Доктор! — закричал он. — Я все сделаю, как ты хочешь, только, пожалуйста, не поднимай мизинец!

Он выпрыгнул из кровати и побежал отдавать приказ солдатам. А Полинезия неслышно прокралась на первый этаж и через разбитое окошко покинула дворец.

Но припозднившаяся Королева как раз в это время возилась с английским замком черного хода и заметила, что чужой попугай выбирается из дырки в оконном стекле. Она едва дождалась возвращения мужа и, когда он, наконец, улегся в кровать, рассказала об увиденном. Король понял, что его обманули. Он ужасно разъярился и помчался к тюрьме.

Конечно, он опоздал. Дверь была распахнута настежь, темница — пуста. Доктор и все его животные исчезли.

## **ГЛАВА 7. ОБЕЗЬЯНИЙ МОСТ**

Первый раз в жизни Королева Эрминтруда испугалась собственного мужа. Он скрежетал зубами от бешенства. Он обзывал всех дураками. Он запустил зубной щеткой в дворцовую кошку. Он метался по поляне в развевающейся ночной рубашке и расталкивал спящих солдат, а добудившись, немедленно послал их в джунгли по следам Доктора Дулитла. Он не оставил в покое и слуг: поварам, садовникам, парикмахеру, учителю Принца Бампо было велено отправляться на подмогу. Даже Королеву, утомившуюся от танцев в тесных неудобных туфлях, он безжалостно выпроводил в темный лес — на поиски.

А в это время Доктор и звери, торопясь изо всех сил, продирались сквозь джунгли в Страну Обезьян. Дорога была не из легких. Мало того, что чемодан и сумка оказались вдруг такими тяжелыми, Габ-Габ на своих коротеньких ножках быстро устал, и Доктору пришлось взять его на руки.

Король Джоллиджинкии надеялся, что войско без труда обнаружит беглецов, ведь они шли по незнакомой стране, совсем не зная местности. Но он ошибался: обезьяне Чи-Чи были знакомы все тропы в джунглях, она разбиралась в них даже лучше королевских воинов. Она привела своих друзей в самую чащу, куда еще не ступала нога человека, и спрятала среди огромных валунов в полom

стволе старого поваленного дерева.

— Вот здесь мы и переждем опасность, — сказала Чи-Чи. — А когда солдаты уберутся домой спать, продолжим путь.

Они провели в этом укромном месте всю ночь. И всю ночь напролет в лесу — то подальше, то совсем рядом — перекликались королевские солдаты. Они искали добычу и ничего не могли найти: тайник Чи-Чи был надежным убежищем, ни одна живая душа и понятия о нем не имела — ни люди, ни даже обезьяны.

Когда первые солнечные лучи пробились сквозь густую листву, послышался усталый голос Королевы Эрминтруды. Она звала солдат домой, немного вздремнуть, потому что не видела в дальнейших поисках никакого смысла.

Как только негры ушли, Чи-Чи помогла Доктору и его зверям вылезти из тайника, и они отправились в дорогу. Дороге этой конца не было видно, все выбились из сил особенно тяжело пришлось, конечно, поросенку. Время от времени он принимался хныкать, и тогда его угощали кокосовым молоком, самым вкусным молоком на свете.

Вообще еды и питья у них было предостаточно — ведь Полинезия и Чи-Чи отлично знали, где растут диковинные тропические фрукты и овощи, всякие там финики и инжир, и земляные орехи, и имбирь, и бататы. Они готовили лимонад из сока диких апельсинов, а чтобы подсластить его, добавляли мед, подаренный жившими в дуплах пчелами. Казалось, Чи-Чи и Полинезия в этом лесу могут достать все, что угодно! Однажды, когда у Доктора кончился табак и ему страшно захотелось закурить, они умудрились раздобыть для него несколько пахучих растений.

Путешественники сшивали пальмовые листья и ночевали в этих палатках на пышных, мягких матрасах из сушеной травы и даже радовались своей новой бродячей жизни, но все-таки каждый вечер, останавливаясь на привал, облегченно вздыхали. Доктор обычно разводил костер из сухих веток, они ужинали и рассаживались вокруг огня, слушая морские песни Полинезии и сказания джунглей обезьяны Чи-Чи.

Эти легенды оказались очень интересными. Хотя у обезьян не было исторических книг, пока их не написал Джон Дулитл, они помнили все старинные события так ясно, как будто это случилось вчера. Ведь такие истории передавались из поколения в поколение. Чи-Чи услышала их от своей бабушки. В них говорилось о тех древних-преддревних временах, когда Потоп еще не залил землю, а люди одевались в медвежьи шкуры, жили в каменных пещерах и ели своих баранов сырыми, не помышляя о стряпне, потому что никогда не

видели огня.

Чи-Чи рассказывала о гигантских мамонтах и ящерах, длинных, как поезда, которые бродили в горах в те далекие времена, обкусывая верхушки деревьев.

Звери слушали, зачарованные, и, спохватившись, когда Чи-Чи умолкала, замечали, что их костер догорел. Приходилось вскакивать и суетиться, разыскивая хворост, чтобы разжечь новый.

Когда королевская армия притащилась домой, никого не обнаружив в джунглях, Король незамедлительно отослал солдат обратно и велел не возвращаться без Джона Дулитла. Доктор и звери, продвигаясь к Стране Обезьян, чувствовали себя в полной безопасности, а между тем их настигали люди Короля, бегущие по следу. Если бы Чи-Чи знала, она бы снова спрятала своих друзей. Но она ничего не знала.

Однажды Чи-Чи взобралась на высокую скалу и посмотрела вдаль, поверх верхушек деревьев. Спустившись, она радостно объявила, что Страна Обезьян уже близко — ну прямо рукой подать. А уже вечером на деревьях у края болотца им удалось разглядеть двоюродную сестру Чи-Чи и еще много других обезьян, не успевших подхватить страшную заразу. Обезьяны напряженно всматривались в джунгли, поджидая знаменитого доктора, и, увидев, что он наконец появился, подняли невероятный шум. Они хлопали в ладоши, махали листьями, раскачивались на ветках, а потом попрыгали вниз, чтобы встретить его.

Обезьяны захотели сами нести чемодан и сумку, а одна из них, довольно крупная, взялась тащить Габ-Габа, который опять устал. Две умчались вперед, сообщить больным, что великий Доктор прибыл.

А королевские солдаты, услышав гомон обезьяньих приветствий, сразу сообразили что к чему, и заторопились ловить беглецов. Большая обезьяна, нагруженная тяжелым Габ-Габом, не могла поспеть за остальными и, отстав, вдруг заметила, как за деревьями крадется Капитан королевской армии. Она догнала Доктора и поделилась с ним ужасной новостью. Все побежали. Никогда прежде не приходилось им бегать так быстро. Преследующие их люди Короля тоже побежали, а Капитан понесся, как ветер. Неожиданно Доктор споткнулся о чемоданчик и упал в грязь, и Капитан засмеялся от радости, что добыча не уйдет от него. Но у Капитана на коротко остриженной голове росли слишком длинные уши, и, когда он рванулся вперед, чтобы схватить Доктора, одно из них крепко зацепилось за сучок, и вся армия вынуждена была остановиться и освобождать это злополучное ухо. А Доктор тем временем выбрался из грязи и снова бросился бежать. Чи-Чи закричала:

— Спокойно! Спокойно! Осталось всего ничего! Близилась граница королевства Джоллиджинкии, впереди виднелась Страна Обезьян, но между ними в высоких каменных берегах мчалась река. Джип свесил голову с края крутого-прекрутого утеса и в ужасе вскрикнул:

— Боже мой! Как же мы переберемся?

— Ой, мамочки! — завизжал Габ-Габ. — Эти люди совсем близко. Посмотрите! Они схватят нас и опять бросят в тюрьму. Я боюсь!

И он зарыдал в полный голос. Тогда большая обезьяна плюхнула его на землю и закричала:

— Эй, ребятки, мост! Быстро. Делаем мост! У нас всего одна минута. Капитан уже на свободе и наяривает, как олень. Живей, живей! Мост! Мост!

Доктор был в совершенной растерянности. Из чего они собираются мастерить мост? Он посмотрел по сторонам, пытаясь понять, где же спрятаны доски. Когда он опять повернулся к обрыву, там, над стремительным потоком, уже висел абсолютно готовый мост. Он был сделан из живых обезьян! Доктор вертел головой всего несколько секунд, но этого обезьянам вполне хватило, чтобы превратиться в мост, — они просто-напросто ухватили друг друга за ноги и руки. И самая большая крикнула Доктору:

— Переходи! Все переходите — и побыстрей!

Габ-Габ, очутившись на узком неустойчивом мостике, немножко запаниковал. У него закружилась голова: ведь внизу зияла бездна. Но он все же одолел опасное препятствие, и все остальные тоже перебрались без приключений.

Джон Дулитл шел последним. В тот самый миг, когда его нога коснулась противоположного берега, королевские воины толпой выбежали на покинутый утес. Они вопили от ярости и кулаками молотили воздух, сообразив, что безнадежно опоздали: Доктор и все его друзья, целые и невредимые, попали в Страну Обезьян, и мост был перетянут на другую сторону.

Чи-Чи обернулась к Доктору:

— Знаешь, сколько великих исследователей, зоологов с седыми бородами неделями прятались в джунглях, прижимаясь животами к земле и воображая, что их никто не замечает? Они надеялись подсмотреть, как мы это делаем. И никогда у них ничего не получалось — еще бы, белые люди! Ты первый, кому мы позволили увидеть знаменитый Обезьяний Мост.

И Доктор был очень доволен.

## **ГЛАВА 8. ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЛЬВОВ**

Джон Дулитл был ужасно, чудовищно занят. Болели сотни, тысячи обезьян — гориллы, орангутанги, шимпанзе, бабуины, мартышки, серые, рыжие обезьяны — всех не перечислить. И многие уже умерли.

Первым делом Доктор отделил больных от здоровых. Потом попросил Чи-Чи и ее кузину построить ему травяной домик и всем, кто еще держался на ногах, велел явиться на прививку.

Три дня и три ночи к маленькому травяному дому стекались обезьяны джунглей, долин и холмов, и день и ночь напролет Доктор делал прививки. Затем он выстроил еще один дом, огромный, заставленный кроватями, и разместил там всех больных обезьян. Но их оказалось слишком много, гораздо больше, чем здоровых, и ухаживать за ними было некому. Пришлось разослать другим животным — львам, леопардам и антилопам — письма с мольбой о помощи.

Предводитель Львов был великий гордец. Он соизволил-таки заглянуть в хижину, плотно набитую кроватями, но держался сердито и высокомерно.

— Вы осмелились обратиться ко мне, сэр? — свирепо спросил он. — Вы осмелились просить меня, Царя Зверей, навестить свалку вонючих обезьян. Фу!

Я бы не стал даже закусывать этой дрянью.

Хотя вид у льва был устрашающий, Доктор постарался взять себя в руки.

— А их и не надо есть, — смиренно объяснил он. — К тому же сегодня утром они все принимали ванну и теперь совсем не грязные. А вот вашу шубу действительно не мешает почистить. Теперь слушайте, это важно. Может наступить такой день, что заболеют и львы. И если вы откажетесь помогать другим сейчас, то потом, если, не дай Бог, случится беда, никто не придет вам на помощь. Знаете, так часто бывает с гордыми народами.

— Львы никогда не попадают в беду. Запомните это. Они, наоборот, приносят несчастья окружающим, — заявил Предводитель и, задрав нос, удалился в джунгли. Он чувствовал себя бесконечно мудрым и находчивым.

Прослышав о его поступке, леопарды тоже возгордились и отказали Доктору. И даже антилопы, хотя природная робость не позволяла им открыто грубить Дулитлу, нашли способ увильнуть. Они ковыряли копытами землю, глупо хихикали и признались наконец, что никогда прежде не работали сиделками.

Бедный Доктор с ума сходил от тревоги: тысячи больных обезьян тихо лежали в кроватях, а у него просто рук не хватало всем помочь.

Когда Предводитель Львов приблизился к своему логову, навстречу ему выскочила Королева Львица, вся растрепанная.

— Наш сын ничего не ест! — всхлипывала она. — Я не знаю, что делать. С прошлой ночи — ни кусочка!

Она плакала и дрожала, потому что была настоящая хорошая мать, хоть и львица. Предводитель вошел в берлогу и посмотрел на детей. Два чудесных маленьких львенка лежали на полу, и один из них выглядел довольно унылым.

Лев, все еще переполненный гордостью, рассказал жене о своей беседе с Дулитлом. Она тут же перестала плакать и так разъярилась, что вытолкала его из пещеры.

— Ты никогда не отличался сообразительностью, — негодовала она. — Все, поголовно все, отсюда и до Индийского океана, только и говорят что об этом удивительном человеке — какой он добрый, какой он замечательный врач. И — Боже мой! — ведь он единственный из людей, кто понимает звериный язык. И теперь, именно теперь, когда наш ребенок заболел, тебе понадобилось зачем-то пойти и обидеть его! Ты болван. Только полному идиоту может прийти в голову нахамить хорошему врачу. Ты... — и она вцепилась мужу в гриву. — Немедленно

вернись к великому белому человеку! — вопила львица. — Извинись перед ним. Захвати с собой всех этих тупоголовых львов, и кретинских леопардов, и антилоп. Слушайтесь Доктора беспрекословно, работайте, как негры. Может быть, тогда он простит нас и посмотрит детеныша. А сейчас убирайся! Быстрее, говорю я тебе! Ты не имеешь права называться отцом.

И она постучала в соседнюю берлогу, где тоже жила львица с детьми, и рассказала ей обо всем.

Предводитель Львов отправился обратно к Доктору.

— Я случайно проходил здесь неподалеку и решил заглянуть. Ну что, нашли помощников? — спросил он, старательно отводя глаза.

— Нет, не нашел, — печально ответил Доктор. — Я ужасно волнуюсь.

— М-да, такие уж сейчас времена, никто не хочет работать, — продолжал лев, немного помолчав. — И в каком-то смысле их упрекать не приходится. Ну что ж... Я вижу, у вас проблемы. Пожалуй, я не прочь сделать вам одолжение, поработаю немного, знаете, в меру сил... Тем более, вы говорите, мыть этих тварей уже не придется. Другим охотникам я тоже предложил принять участие, леопарды появятся с минуты на минуту. И, кстати, чуть не забыл. У нас дома ребенок заболел. Не думаю, что это серьезно, но жена беспокоится. Не могли бы вы вечером зайти? Разумеется, если вам по дороге.

Доктор был счастлив. Львы, леопарды, антилопы, жирафы, зебры — все лесные, горные и равнинные звери работали теперь вместе с ним. Их оказалось даже многовато, и некоторых пришлось отослать восвояси. Остались только самыемышленные.

Обезьяны начали поправляться. К концу недели заставленный кроватями дом наполовину опустел. А к концу второй недели выздоровела последняя обезьяна.

Работа была сделана, и Джон Дулитл почувствовал себя таким усталым, что немедленно лег в постель и проспал три дня подряд, ни разу не перевернувшись.

## **ГЛАВА 9. СОВЕЩАНИЕ**

Три дня не отходила Чи-Чи от двери, отгоняя любопытных. Никто не смел мешать Доктору. А проснувшись, Джон Дулитл объявил, что возвращается в Англию.

Обезьяны очень удивились: они-то решили, что Доктор останется здесь

навсегда, — и когда наступила ночь, потихоньку собрались в джунглях на совет.

И Главный Шимпанзе поднялся и спросил:

— Почему уезжает этот добрый человек? Неужели с нами он несчастлив?

И никто не сумел ответить ему.

И поднялась Великая Горилла и сказала:

— Я думаю, мы должны попросить его остаться. Может быть, надо выстроить для него новый большой дом, и сделать кровать пошире, и дать ему в услужение столько обезьян, сколько он пожелает, и Доктор наверняка не захочет уезжать из Африки.

Тогда встала Чи-Чи и объяснила:

— Друзья мои, боюсь, бесполезно это — просить Доктора остаться. Он задолжал в Падлби и говорит, что непременно должен вернуться и уплатить эти деньги.

— А что такое деньги? — растерялись обезьяны.

И Чи-Чи рассказала им, что в Стране Белых Людей ничего не получишь, ничего не сделаешь и вряд ли вообще сможешь выжить, если у тебя нет денег.

Обезьяны помолчали, а потом раздался чей-то голос:

— А есть и пить бесплатно тоже нельзя?

Чи-Чи покачала головой. Ей самой приходилось кланчить у детей монетки, когда приказывал шарманщик, ее хозяин.

И тогда Главный Шимпанзе обратился к Старейшему Орангутангу:

— О брат мой, определенно, эти люди странные существа. Кому же доставляет удовольствие жить в подобной стране? Господи, какое убожество.

Чи-Чи опять заговорила:

— Дело в том, что у нас не было корабля, чтобы добраться до вас по морю, и денег, чтобы купить еды на дорогу, тоже не было. И вот мы взяли сухарей у одного человека и пообещали заплатить за них, когда приедем назад. А моряк одолжил нам свой корабль, только он разбился о скалы — уже здесь, почти у самого берега. И теперь Доктор считает, что просто обязан достать где-то корабль для моряка, — ведь кроме этого суденышка, у бедняги ничего в жизни нет.

Обезьяны сидели на траве очень тихо и очень крепко размышляли.

Наконец поднялся Самый Большой Бабуин и произнес:

— Я считаю, мы не имеем права отпустить этого замечательного человека из нашей страны без хорошего подарка. Пусть он заберет его с собой и помнит, как мы все благодарны ему за великую помощь.

И из густой листвы высокого дерева высунулась крошечная рыжая обезьянка:

— Я согласна!

И тут же поднялся страшный шум. Все вопили:

— Да! Да! Мы должны подарить ему какой-нибудь потрясающий подарок! Чего Белые Люди и в глаза не видели!

И они начали пихаться и спорить.

— Пятьдесят мешков кокосовых орехов! — кричали одни.

— Нет, сто связок бананов! — упрямились другие. — Пусть он хотя бы сэкономит на фруктах в этой ужасной Стране, Где Приходится Платить За Еду.

Но Чи-Чи остановила их, растолковав, что, во-первых, такие подарки слишком тяжелы для дальнего плавания, а во-вторых, половина наверняка протухнет, и ее придется выбросить.

— Если вы действительно хотите порадовать его, — продолжала Чи-Чи, — подарите ему зверя. Не тревожьтесь, Доктор будет с ним очень хорошо обращаться. Только этот зверь должен быть редкий и для людских зоопарков небывалый.

— Что такое зоопарки? — в один голос спросили обезьяны.

Чи-Чи вздохнула.

— Понимаете, у себя в стране Белые Люди сажают животных в клетки, чтобы приходить и разглядывать их, когда хочется.

— Эти Люди ведут себя, как неразумные дети — такие же глупые и охочие до забав. Б-р-р? То, что она имеет в виду, смахивает на тюрьму, — перешептывались потрясенные обезьяны.

Немного успокоившись, они принялись выяснять, каких же редких зверей еще не видывал Белый Человек.

— Есть ли у них игуана? — задал свой вопрос Вождь Мартышек.

Но Чи-Чи ответила:

— Да, есть одна в лондонском зоопарке.

— А окапи?

— Да. В Бельгии, в огромном городе, который называется Антверпен, пять лет назад я познакомилась с моим шарманщиком. И там я видела окапи, — грустно призналась Чи-Чи.

— А тяни-толкай у них есть? — поинтересовался кто-то.

И тогда Чи-Чи улыбнулась.

— Нет, — воскликнула она. — Нет! Белый Человек никогда не видел тяни-толкая. Давайте подарим его Доктору.

## **ГЛАВА 10. САМЫЙ РЕДКИЙ ЗВЕРЬ**

Сейчас тяни-толкаи вымерли. Это значит, их больше не существует. Но в те стародавние времена, когда был жив Доктор Дулитл, они еще водились в глубине африканских джунглей, но встречались очень-очень редко.

Хвоста у них совсем не было, зато с каждой стороны росла голова и на каждой голове — острые рога. Они отличались невероятной пугливостью, и никто не мог их поймать. Обычно негры ловят добычу, подкрадываясь сзади, но с тяни-толкаем этот номер не проходил. Откуда бы ни подбирался охотник, он неизменно сталкивался с удивительным зверем лицом к лицу. К тому же тяни-толкая невозможно было застать спящим: половина его всегда бодрствовала и зорко глядела вокруг. Вот почему никому не удалось изловить его и посадить в клетку зоопарка. Многие великие охотники и умудренные опытом владельцы зверинцев годами, невзирая на дождь и засуху, бродили по джунглям в поисках

тяни-толкаев, но не сумели раздобыть ни одного. Даже тогда, много лет назад, он был единственным на земле существом с двумя головами.

Итак, обезьяны отправились в лес на охоту за этим существом. Не одну и не две мили прошагали они, прежде чем разглядели на речной отмели странные следы и поняли, что тяни-толкай наверняка где-то рядом. Они двинулись вдоль берега и скоро обнаружили укромное местечко, заросшее высокой и густой травой, и догадались, что он там.

Тогда они взялись за руки и окружили высокую траву со всех сторон. Тяни-толкай слышал их шаги и попытался прорваться сквозь обезьянье кольцо. Он очень старался, но сил не хватило. Смирившись с тем, что удрать не получится, он уселся на землю и стал ждать.

Обезьяны спросили, не хочет ли он уехать вместе с Доктором Дулитлом в Страну Белых Людей, где его никто никогда не видел. Тяни-толкай замотал сразу двумя головами и ответил:

— Совершенно не хочу!

Обезьяны объяснили, что его не отдадут в зоопарк, а просто будут им любоваться, что Доктор — ужасно хороший и добрый, но совсем без денег, а Белые Люди обязательно заплатят за удовольствие познакомиться с двухговым животным, и тогда Доктор разбогатеет и сможет купить моряку новый корабль.

— Нет! Ни за что! — Тяни-толкай чуть не плакал. — Вы же знаете, какой я стеснительный. Я ненавижу, когда на меня смотрят!

Три дня обезьяны уговаривали его, и к концу третьего дня он согласился пойти и проверить, что за человек этот Доктор. И вот они все вместе пустились в обратный путь и, добравшись до маленького травяного домика, постучали в дверь.

— Войдите, — отозвалась утка, собиравшая чемодан.

Чи-Чи торжественно ввела тяни-толкая в комнату.

— Что бы это могло быть? — полюбопытствовал Доктор, уставившись на странного гостя.

— Господи помилуй! — всплеснула крыльями утка. — Как это ему пришло в голову — так выглядеть?

— А ты уверена, что это голова? — усомнился Джип.

— Смотрите, Доктор, — Чи-Чи не обратила на шутников никакого внимания. — Это настоящий тяни-толкай, самый редкий зверь африканских джунглей. Другого такого зверя во всем мире не сыщешь. Забирайте его с собой, Доктор, и вы разбогатеете: люди любые деньги заплатят, только бы на него взглянуть.

— Но мне не нужны деньги, — растерянно пробормотал Доктор.

— А вот и нужны! — отрезала утка Даб-Даб. — Неужели вы забыли, как мы голодали, как считали каждый пенс, чтобы наскрести денег и заплатить мяснику из Падлби? А как вы собираетесь возвращать моряку корабль? Или вы думаете, корабли раздают бесплатно?

— Вообще-то я собирался сам его построить, — признался Джон Дулитл.

— Будьте же благоразумны, Доктор, — взмолилась Даб-Даб. — Ну где, где раздобудете вы все эти гвозди и деревяшки? И на что мы будем жить? Нам попросту грозит нищета, понимаете? Чи-Чи совершенно права: единственный выход — взять забавную зверюшку с собой.

— Что-то в этом есть, — кивнул Доктор. — Пожалуй, его бы все полюбили. Только вот вправду ли м-м-м... как он там называется... согласен поехать за границу?

— Да-да, с радостью, — быстро отозвался тяни-толкай. Он с первого взгляда понял, что на Доктора вполне можно положиться. — Вы так славно ко всем относитесь. Да и обезьяны сказали, что я один могу вызволить вас из беды. Но, пожалуйста, дайте слово немедленно отпустить меня обратно, если я не приживусь в этой Стране Белых Людей.

— Ну, разумеется, о чем речь! — успокоил его Джон Дулитл. — А кстати, можно узнать, не относишься ли ты к семейству оленей?

— Ну да, — охотно ответил тяни-толкай. — Абиссинские газели и азиатские серны по материнской линии. А вот прапрадедушка моего отца был последним из единорогов.

— Удивительно, — покачал головой Дулитл, вытащил из почти запакованного чемодана книгу и принялся листать ее. — Посмотрим, посмотрим, не упоминает ли Бюффон...

— Если я не ошибаюсь, ты говоришь только одним ртом. А вторая голова — умеет? — поинтересовалась Даб-Даб.

— Ой, ну а как же? — засмеялся тяни-толкай. — Просто по большей части я ее использую для жевания. Так и получается, что одновременно я могу есть и беседовать, и никто не упрекнет меня в невоспитанности. Вообще у моих соплеменников прекрасные манеры.

И вот вещи собраны, и сборы закончены, и обезьяны устроили для Доктора прощальный праздник. Не нашлось в джунглях зверя, не захотевшего с ним проститься, и каждый нес с собой ананас, или манго, или мед — получилась целая куча разной вкуснотищи.

Когда все наелись и напились вволю, Доктор поднялся и сказал:

— Друзья! Не слишком хорошо я умею произносить длинные послеобеденные речи, тем более, что сейчас мой желудок переполнен фруктами и медом. Но мне хочется сказать: покидая вашу чудесную землю, я очень печалюсь. Меня ждут неотложные дела в Стране Белых Людей, вот почему приходится уезжать. Очень прошу вас, не забывайте прогонять мух с вашей пищи и не смейте спать на земле, если приближаются дожди. И м-м-м... я надеюсь, вы всегда будете счастливы.

Закончив, Джон Дулитл сел на свое место, а обезьяны захлопали в ладоши и хлопали долго-предолго и так говорили друг другу:

— Давайте навсегда запомним, что он сидел и ел вместе с нами, под этими деревьями. Потому что воистину он — Превосходнейший из Людей!

И Великая Горилла, имевшая в своих мохнатых лапах силу семи лошадей, прикатила к столу чудовищного размера валун и объявила:

— Этот камень будет лежать на этом месте во все времена.

Даже сейчас там, в самом сердце африканских джунглей, камень сторожит знаменитое место, и обезьяны-матери, прыгая по веткам деревьев, всегда задерживаются здесь и, показывая вниз, шепчут своим детям:

— Ш-ш-ш... Вон там, посмотрите, Добрый Белый Человек сидел и ел пищу вместе с нами в Год Ужасной Болести!

Когда праздник закончился, Джон Дулитл и его звери отправились в обратный путь, к побережью. И обезьяны, взвалив на плечи чемодан и сумки, проводили их до самой границы своей страны.

## ГЛАВА 11. ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

На речном берегу путешественники остановились и стали прощаться. Это заняло немало времени, потому что тысячи обезьян непременно хотели пожать руку Джону Дулитлу.

Когда Доктор и его звери остались наконец одни, Полинезия сказала:

— Мы должны ступать очень мягко и разговаривать очень тихо. Ведь земля, по которой мы идем, — Джоллиджинкия. Стоит Королю услышать наши шаги, он тут же пришлет солдат. Уверена, он до сих пор злится, что я обхитрил его.

— Однако вот что интересно, — задумчиво пробормотал Доктор, — как же мы будем добираться домой? Впрочем, вполне вероятно, где-нибудь на отмели лежит себе никому не нужный корабль, и нам удастся им воспользоваться.

Между тем в ужасно густой чаще Чи-Чи решила забежать немного вперед и поискать кокосовых орехов. А все прочие, оказавшись без провожатого на неведомой лесной тропинке, немедленно заблудились. Они кидались из стороны в сторону, но не могли выйти на дорогу к морскому побережью.

Чи-Чи, нигде не обнаружив своих друзей, страшно огорчилась. Она залезла на самые высокие деревья и, цепляясь за верхние ветви, отчаянно высматривала высокий докторский цилиндр. Она размахивала лапами и кричала, окликая каждого по имени. Все было напрасно. Поотставшая компания словно сквозь землю провалилась.

И действительно, они по-настоящему сбились с пути. Прежняя их дорожка осталась далеко позади, а лес был такой непролазный, что кусты, лианы и разные другие ползучие растения попросту не давали им двигаться. Доктору пришлось достать перочинный ножик и прорубать проходы в джунглях.

Они брели по влажным, заболоченным низинам, путаясь в щупальцах огромных вьюнов. Они все исцарапались об острые шипы и дважды чуть не потеряли в зарослях медицинский чемоданчик. Не было конца этим несчастьям, и выхода на пропавшую тропинку тоже не было.

Так они мыкались много дней подряд, одежда их совсем изорвалась, а лица покрылись грязью, — и в конце концов, по чудовищной случайности, вышли

прямо в королевский сад. Немедленно появились черные воины и схватили их. Правда, Полинезия ухитрилась незаметно взлететь на дерево и притаилась посреди больших листьев. А Джон Дулитл и все остальные предстали перед Королем.

— Ха-ха! — веселился Король. — Вот я вас и поймал! На этот раз не спасетесь, и не надейтесь. Отведите их обратно в тюрьму и закройте двери на двойной замок. Этот Белый Человек до конца своих дней будет скрести пол на моей кухне!

Несчастных отвели в темницу и заперли, и Доктору было велено уже на рассвете приступать к чистке пола.

Все тоскливо вздыхали.

— Какая-то чепуха, — произнес Доктор. — Мне необходимо попасть в Падлби. Если я не вернусь вовремя, бедный моряк подумает, что я украл его корабль... Может быть, петли разболтались?

Но дверь оказалась вполне прочной и надежно запертой. Исчезла последняя надежда на спасение.

И Габ-Габ заплакал.

А Полинезия все еще сидела на дереве в дворцовом саду. Она не проронила ни звука и только щурилась. Это был очень плохой знак. Такое молчаливое прищушивание означало, что творится несправедливость, и она размышляет, как навести порядок. Люди, причинившие неприятности Полинезии или ее друзьям, всегда жалели об этом, но, как правило, слишком поздно.

И вдруг она краем глаза заметила, что на дальней пальме раскачивается Чи-Чи, продолжающая поиски Доктора. Когда обезьяна тоже увидела свою исчезнувшую спутницу, она тут же перебралась на ее дерево и засыпала попугаиху вопросами.

— Доктор и все остальные схвачены и посажены в тюрьму, — шепотом объясняла Полинезия. — Мы заблудились в джунглях и по ошибке наткнулись на этот сад.

— А почему же ты не показала им дорогу, пока я искала орехи? — гневно зашипела Чи-Чи и пустилась бранить ее за то, что она позволил Дулитлу сбиться с пути.

— Видишь ли, — с достоинством оправдывалась Полинезия, — во всем виноват этот бестолковый поросенок. Он так и норовит удрать с тропинки и накопать себе имбиря. Мне приходилось постоянно ловить его и возвращать на место.

Естественно, кончилось тем, что я перепутала право и лево и свернула не в ту сторону. Тихо! Смотри! В сад идет Принц. Не шевелись, сделай одолжение. Нельзя, чтобы он нас обнаружил.

Бампо, сын Короля Джоллиджинкии, открыл садовую калитку и побрел по траве, заунывно мурлыкая под нос печальную песню. Под мышкой он тащил толстенную книгу. Поравнявшись с каменной скамейкой — точь-в-точь под деревом, на котором прятались Чи-Чи и Полинезия, — Принц улегся на сиденье и принялся читать сказки. Обезьяна и попугай наблюдали за ним, затаив дыхание.

Через некоторое время Бампо отложил книгу и утомленно вздохнул.

— Ах, если бы я был Белым Принцем, — протянул он, мечтательно глядя вдаль.

И тогда Полинезия произнесла слабеньким, тоненьким, совсем детским голоском:

— Бампо, Бампо, как знать — вдруг кто-нибудь поможет тебе стать Белым Принцем?

Королевский сын соскочил со скамьи и огляделся.

— Что я слышу? — закричал он. — Сладкая музыка, волшебный серебряный голос звучит в моих ушах. Как странно!

— О достойный Принц! — вкрадчиво продолжала Полинезия. — Сам не ведая того, ты коснулся истины. Это Трипситинка, Королева фей, говорит с тобой. Я укрылась в розовом бутоне.

Полинезия сидела тихо-тихо, и Бампо не видел ее.

— Умоляю, поведай мне, чудесная Королева, — воскликнул Принц, в восторге заламывая руки, — кто способен изменить цвет моей кожи!

— В темнице, принадлежащей твоему отцу, — рассказывала Полинезия, — содержится могущественный кудесник, имя его — Джон Дулитл. Многие ведомо ему во врачевании и колдовстве, и великие подвиги совершил он. Твой царственный отец обрек его на жалкое существование, уже долгие часы томится он в каменной тюрьме. Иди к нему, о храбрый Бампо, тайком проберись на закате солнца. И поверь, ты превратишься в самого Белого из всех Белых Принцев, и мужество твое будет вознаграждено. Но довольно. Мне пора возвращаться в Сказочную страну. Прощай!

— Прощай! — отозвался Бампо. — Тысяча благодарностей, милая Трипситинка!

Он опустился на скамью и остался сидеть там, поджидая, пока не зайдет солнце, и счастливая улыбка не сходила с его лица.

## ГЛАВА 12. МЕДИЦИНА И ВОЛШЕБСТВО

Убедившись, что поблизости никого нет, и все же соблюдая величайшую осторожность, Полинезия выскользнула из своего тайника и полетела к тюрьме.

Габ-Габ в это время, пропихнув розовый пяточок между прутьями решетки, с тоской внюхивался в запахи, доносившиеся из дворцовой кухни. Попугаиха велела ему немедленно вызвать к окошку Доктора для важного разговора. Джон Дулитл как раз прилег вздремнуть, и Габ-Габ, вздыхая, отправился будить его.

— Слушай, — зашептала Полинезия, когда перед ним возникло лицо Доктора. — Сегодня вечером тебя навестит Принц Бампо и попросит перекрасить ему кожу в белый цвет. Только сперва возьми с него слово, что в награду он отопрет тюремную дверь и раздобудет судно, чтоб вы могли переплыть море.

— Славно-славно, — покачал головой Доктор, — но, к сожалению, не так-то просто превратить черного человека в белого. Ты, наверное, думаешь, это все равно что покрасить старые брюки. Нет, ужасно, невообразимо трудно. Может быть, ты слышал — легче леопарду изменить узор на шкуре, чем кожу — эфиопу.

— Ничего я не знаю! — фыркнула Полинезия. — Но тебе придется сделать этого копченого белым. А уж как — думай. И крепко думай. Ведь у тебя осталась куча лекарств. Он для тебя в лепешку разобьется, если ты согласишься. Пойми, это единственный шанс выбраться отсюда.

— Ну-ну, не сердись! — замахал руками Дулитл. — Не исключено, что это действительно возможно. Надо попытаться.

И Доктор заторопился к своему чемоданчику, бормоча вполголоса:

— Едкий хлор на животном пигменте, вероятно, цинковая мазь в качестве временной меры — жирным слоем...

И вот поздно вечером в тюрьму к Доктору проник Принц Бампо и так обратился к нему:

— Здравствуй, Белый Человек, перед тобой ужасно несчастливый принц. Много лет назад отправился я на поиски Спящей Красавицы, о которой прочитал в

книге. Долго путешествовал я по свету и наконец нашел мою прекрасную леди, и поцеловал ее очень нежно, чтобы разбудить, — ибо так было указано в книге. Она и вправду проснулась, но, разглядев мое лицо, закричала: «Ах, он черный!» И убежала прочь, и не вышла за меня замуж, и, наверно, снова улеглась спать где-нибудь неподалеку. Убитый горем, воротился я в родное королевство. И вот сегодня случайно узнал о тебе, удивительном чудодее, и твоих могущественных зельях. Я прошу у тебя помощи. Если я стану белокожим и смогу вернуться к Спящей Красавице, то подарю тебе полкоролевства и в придачу — все, что пожелаешь.

— Принц, — произнес Джон Дулитл, задумчиво рассматривая пузырьки с лекарствами, — предположим, я наколдую тебе замечательные белокурые волосы — это не сделает тебя счастливым?

— Нет, — ответил Бампо. — Ничто другое не удовлетворит меня. Я должен стать Белым Принцем.

— Видишь ли, дружок, — упорствовал Доктор, — работа по окраске принцев — одна из труднейших в волшебном деле. Впрочем, тебе ведь достаточно лица, верно?

— Вполне, — кивнул Бампо. — Потому что тогда я буду носить, как и все белые принцы, сверкающую броню и стальные рукавицы и скакать на коне.

— Но лицо должно быть целиком белое? — спросил Доктор.

— Да, целиком, — твердо сказал Бампо. — И, конечно, мне хотелось бы иметь голубые глаза, но, видимо, это слишком сложно.

— Еще бы! — быстро согласился Доктор. — Ну что ж, посмотрим, на что я гожусь. Только запасись терпением — с некоторыми снадобьями, знаешь, иногда случаются неожиданности. Вероятно, будем пробовать дважды, а то и трижды. Надеюсь, у тебя прочная кожа. Подойди-ка поближе к свету. Ох, чуть не забыл: сначала тебе придется сходить на берег и приготовить судно со всеми припасами — оно понадобится мне, чтобы пересечь море. И никому ни слова, вот что важно. И когда я закончу колдовство, ты выпустишь нас из тюрьмы. Поклянись короной Джоллиджинкии!

Бампо поклялся и убежал на побережье искать корабль. Вернувшись, он объявил, что все готово, и Доктор попросил у Даб-Даб тазик, смешал в нем разные лекарства и велел Принцу окунуть туда лицо.

Принц послушно наклонился, погрузил лицо по самые уши в загадочную жидкость и долго не шевелился.

Джон Дулитл начал беспокоиться, потом он всерьез разволновался. Он переминался с ноги на ногу и с тревогой глядел на пошедшие в дело бутылочки, в двадцатый раз перечитывая надписи на ярлыках. Сильный, резкий запах наполнил тюрьму — словно горела оберточная бумага.

Наконец Принц поднял голову над тазом и перевел дыхание. У всех вырвался вопль изумления. Лицо Принца стало снежно-белым, и даже глаза его, прежде темные, как глина, приобрели мужественный серый цвет. Доктор подал ему зеркальце, и, увидев свое отражение, Бампо запел радостную песню и пустился в пляс. Но Доктор попросил его не шуметь, второпях собрал чемодан и направился к двери.

Напрасно Бампо молил оставить ему зеркало, единственное в Джоллиджинкии, — Джон Дулитл был неумолим. Объяснив, что вещь необходима ему самому, потому что без нее невозможно бриться, Доктор засунул зеркало в карман. Бампо смирился и, достав связку медных ключей, отпер огромный двойной замок.

Доктор и его звери со всех ног помчались к морю, а Принц, прислонившись к тюремной стене, блаженно улыбался им вслед, и его широкое лицо сияло в свете луны, как полированная слоновая кость.

Примостившись на прибрежных валунах поблизости от корабля, Полинезия и Чи-Чи дожидались Доктора.

— До чего неудобно получилось, — виновато сказал он. — Боюсь, мое лекарство весьма недолговечно. Скорее всего, бедняга Бампо почернеет уже к утру, вот, собственно, почему мне пришлось забрать у него зеркало. А вот потом, может быть, он снова станет белым. Именно может быть — ведь я никогда прежде не пользовался этой смесью. Честно говоря, я и сам удивлен — потрясающий результат, просто в голове не укладывается. Ну да что там — все равно надо было действовать. Не мог же я по гроб жизни скрести королевскую кухню — там жуткая грязь, я разглядел из тюремного окошка. Ох, несчастный Бампо!

— Разумеется, он сообразит, что за шутку с ним сыграли, — улыбнулась Полинезия.

— Они не имели права нас запирасть! — Даб-Даб раздраженно распушила хвост.  
— Мы им никакого зла не причинили. И поделом ему, если он почернеет. Чем чернее, тем лучше.

— Но ведь он-то тут ни при чем, — попытался урезонить ее Дулитл. — Это его отец запер нас. Бампо совсем не виноват. Непокойно у меня на душе, хоть возвращайся и проси у него прощения... Ну да ладно, доберусь до Падлби, пошлю ему леденцов. Будем надеяться, в конце концов он все-таки станет белокожим.

— Спящая Красавица все равно его не полюбит, нечего и рассчитывать! — не сдавалась утка. Он стал еще хуже. Хотя вряд ли — уродство это уродство, от цвета не зависит. Вот так.

— Ну-ну, успокойся, — Доктор выглядел расстроенным. — Зато у мальчика доброе сердце. Он, конечно, романтик, но очень славный. И вообще, как говорится, — «с лица воду не пить»...

— А я не верю, что бедный дурачок нашел и поцеловал Спящую Красавицу, — заявил Джип. — Наверняка, это жирная фермерша прилегла всхрапнуть под яблонькой. Представляю, как она испугалась! Интересно, кого он на этот раз осчастливит. Б-р-р, глупое до чего занятие — целоваться...

И вот тяни-толкай, белая мышь, Габ-Габ, Джип и филин Гу-Гу вместе с Доктором поднялись на корабль. А Чи-Чи, Полинезия и крокодил остались на берегу, потому что Африка, страна, где они родились, была их настоящим домом.

Доктор подошел к борту и посмотрел вдаль. Он вспомнил, что не знает обратной дороги, и спросить тоже не у кого. Море, печально блестящее в лунном свете, казалось особенно большим. Доктор подумал, что они, скорее всего, сойдут с пути, стоит лишь потерять из виду берег.

И в эту самую минуту из мертвой тишины ночи родился странный звук, похожий на чей-то невидимый шепот в высоком небе. Звери прислушались.

Звук нарастал и, казалось, приближался. Он напоминал не то свист осеннего ветра в засохшей тополиной листве, не то сильный дождь, барабанивший по крыше.

И Джип, подрагивая чутким носом и вытянув хвост в струнку, победно объявил:

— Птицы, миллионы птиц, летят очень быстро — вот что это такое!

Тогда все посмотрели вверх.

Тысячи и тысячи птиц проносились поперек желтого диска луны, словно полчища крохотных муравьев. Воздух уже заполнился ими, а они все летели и летели, бесчисленные, молчаливые, и на мгновение заслонили луну. Море грозно потемнело, как будто наползла штормовая туча.

И вот птицы спустились ниже, заскользили над самой водой, над пустынным берегом, и в ночном небе ярко засверкала освобожденная луна. Они по-прежнему хранили молчание — ни щебета, ни вскрика, ни песни — только мощно, оглушительно шелестели крылья.

Вдруг они начали садиться — на прибрежный песок, на корабельные снасти — повсюду, где находилось место. Только деревьев они избегали. И Доктор разглядел их синие крылья, белые грудки и короткие пушистые лапки. Скоро все расселись, и неожиданно наступила тишина.

Освещенный спокойным лунным светом, Джон Дулитл заговорил:

— Кто бы мог подумать, что прошло столько времени! Хорошо, если мы попадем домой хотя бы к лету. Ведь это ласточки возвращаются. Милые, заботливые ласточки, большое вам спасибо, что решили подождать нас. Теперь-то уж мы не заблудимся, бояться нечего. Поднять якорь, поставить паруса!

И корабль отчалил от африканского берега, на котором остались Чи-Чи, Полинезия и крокодил. Никогда никого не любили они так сильно, как Доктора Дулитла из Падлби-на-болоте, и теперь расставались с ним навсегда.

Много-много раз прокричали они слова прощания, а потом долго еще сидели на прибрежных утесах, горько плакали и махали вслед кораблю, пока он не скрылся из глаз.

## **ГЛАВА 13. КРАСНЫЕ ПАРУСА И СИНИЕ КРЫЛЬЯ**

По дороге домой корабль Доктора огибал побережье Барбарии. Здесь выходила к морю Великая Пустыня, дикое унылое место — песок да камни, камни да песок. И здесь жили многочисленные Барбарийские пираты.

Обычно они поджидали, пока проплывающее судно не разобьется о скалы. А иногда, заведя парус, и сами выходили в море на быстроходных кораблях и преследовали его, а догнав, забирали с борта все, что можно было унести. Людей они тоже уводили, топили опустевшее судно и, горланя развеселые песни, отправлялись домой, в Барбарю, гордые совершенным злодейством.

Потом они заставляли пленников писать письма друзьям и просить денег. Если деньги не появлялись, пираты, не задумываясь, швыряли людей в бурные волны.

Как-то солнечным днем Доктор и Даб-Даб, заботясь о собственном здоровье, прогуливались взад-вперед по палубе. Ласковый попутный ветер гнал их по прозрачной воде, настроение было превосходное. И вдруг зоркие глаза Даб-Даба заметили на горизонте за кормой парус чужого корабля. Красный парус.

— Не нравится мне, как он выглядит, — насторожилась утка. — Боюсь, не случилось бы беды!

Джип, дремавший на солнышке, глухо заворчал.

— Чую жареную говядину, — пробормотал он. — Румяный ростбиф с темной подливкой.

— Господи боже мой! — Доктор вытаращил глаза. — Что происходит с собакой? Джип принюхивается и разговаривает во сне?

— Ничего удивительного, — пожала плечами Даб-Даб. — Все собаки так делают.

— Но в таком случае, что он нюхает? — спросил Доктор. — У нас на борту, насколько мне известно, никакого мяса нет.

— Нет, — согласилась утка. — Должно быть, это на том корабле готовят ростбиф.

— Да он в десяти милях отсюда! — не поверил Джон Дулитл. — Не может Джип почуять такой далекий запах.

— Разумеется, может, — улыбнулась Даб-Даб. — Спросите его, если хотите.

Джип вздрогнул во сне и зарычал, сердито сморщив губу и оскалив яркие белые зубы.

— Чую плохих людей, — захлебывался он. — В жизни не нюхал ничего более противного. Чую драку — шестеро подонков против одного смельчака. Надо помочь ему! В-ваф! В-В-В-АФ!

Он громко залаял и проснулся. Лицо у него было изумленное.

— Смотрите! — закричала Даб-Даб. — Тот корабль приближается! Можно сосчитать паруса — три — и все красные. Они за нами гонятся! Что это значит?

— Они нехорошие моряки, — убежденно сказал Джип. — И корабль у них ужасно быстрый. Наверняка это Барбарийские пираты.

— Раз так, придется поставить побольше парусов, — рассуждал Доктор. — Мы увеличим скорость и уйдем от них. Сбегай-ка вниз, Джип, и принеси мне все паруса, какие тебе на глаза попадутся.

Джип помчался в трюм и притащил целую гору разных парусов. Но даже когда они были поставлены и, весело натянувшись, поймали ветер, скорости почти не прибавилось. Пиратский корабль неумолимо вырастал за кормой.

— Скверное суденышко подарил нам Принц, — захныкал Габ-Габ. — Небось, нарочно выбирал помедленнее! Нечего и пытаться удрать от них на этой старой барже, она все равно что мыльница против фрегата. Глядите, они совсем близко — шесть человек, вон у каждого какие усищи! Что же делать?

Доктор послал Даб-Даб наверх сообщить ласточкам, что их догоняет быстроходный пиратский корабль, и спросить совета. Услышав о грозящей опасности, ласточки немедленно спустились на палубу. Они велели Дулитлу, не теряя ни секунды, распустить длинный канат и аккуратно расплести его на тоненькие ниточки. Концы ниток привязали к корабельному носу, получились длинные удобные петли, и птицы, ухватившись за них своими крошечными цепкими лапками и изо всех сил замахав крыльями, потащили судно вперед.

Конечно, ласточка — малое и слабое существо. Но в корабль впряглась не одна ласточка. Тысячи ниток тянулись от его носа, и по две тысячи птиц на каждой нитке упорно тянули за собой судно. А летуны они были невероятно проворные.

Уже через минуту Доктор почувствовал, как увеличилась скорость; он вцепился в шляпу обеими руками, казалось, корабль несется сам по себе, рассекая волны, бурлящие и кипящие от бешеной гонки.

Звери засмеялись и заплясали по палубе. Ветер пронзительно ревел в ушах. Страшный пиратский корабль начал уменьшаться.

Красные паруса остались далеко, далеко позади.

## **ГЛАВА 14. КРЫСИНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

Нелегко волочить по морю корабль. Прошло два или три часа, и ласточки начали задыхаться, у них устали крылья. Они сообщили Доктору, что нуждаются в отдыхе и смогут дотянуть судно только до ближайшего острова, а там его придется спрятать в укромной бухте и дать им возможность набраться сил.

Скоро этот остров показался впереди. В самой середине его возвышалась чудесная зеленая гора.

Они зашли в безопасную закрытую бухту. Глядя с моря, невозможно было догадаться, что на острове кто-то есть. Доктор решил спуститься на берег и поискать воды, потому что на борту питья уже никакого не осталось. Всем остальным он тоже посоветовал добраться до твердой земли и повозиться на травке, разминая ноги. Звери с восторгом согласились и наперегонки бросились к сходням.

И тут Доктор обратил внимание на странное явление. Несметные множества крыс, выползая из трюма, покидали корабль.

Джип тут же затеял охоту, он просто обожал ловить крыс, но Доктор строго приказал ему перестать. Большая черная крыса явно хотела о чем-то поговорить с Джоном Дулитлом. Следя за Джипом краем глаза, она робко кралась по поручням. Почистив усики, откашлявшись и нервно облизнувшись, она наконец осмелилась:

— Э-э-хм-м-м... вы, надеюсь, знаете, что на всех кораблях обитают крысы?

— Ну да, — ответил Доктор.

— А вы слышали, что крысы всегда уходят с тонущего корабля?

— Д-да, — растерялся Доктор, — мне говорили.

— Люди презирают нас за это, — продолжала крыса, — считают, что мы подлые, что бесчестно так поступать. Неправда это. Ну скажите, разумно ли оставаться на тонущем корабле, если можешь спастись?

— Это очень естественно, — согласился Доктор, — очень. Я понимаю. А ты — ты еще что-то собиралась сказать?

— Да, — кивнула крыса. — Я хочу сказать, что мы покидаем этот корабль. Но прежде, чем уйти, мы решили предупредить вас. Это плохое судно, ненадежное. Борта у него непрочные, доски совсем сгнили. К вечеру оно будет на морском дне.

— Но откуда ты знаешь? — изумился Доктор.

— А мы всегда знаем, — объяснила крыса. — Начинает покалывать кончик хвоста, ну, вроде как нога затекла, понимаете? Сегодня утром, в шесть часов, я завтракала и вдруг ощутила это. Сначала-то я подумала: опять ревматизм разыгрался, — и спросила тетю, как она себя чувствует. Вы должны ее помнить, она такая длинная, пестрая, довольно худая, прошлой весной лечилась у вас от желтухи — ну да ладно, в общем, она призналась, что у нее тоже пощипывает в хвосте. И мы поняли, что этот корабль обречен. И решили удирать, как только подойдем к суше. Ну и паршивый у вас корабль, Доктор! Не плавайте на нем, непременно утонете. Прощайте! Мы отправляемся искать удобное жилище на незнакомом острове.

— Прощай! — Дулитл помахал ей рукой. — Огромное спасибо, что предупредила. Очень тактичный поступок, очень деликатный. И кланяйся от меня тете, конечно же, я прекрасно ее помню. Джип, оставь крысу в покое? Ко мне! Лежать!

Пока ласточки отдыхали, Доктор и звери сошли на берег, захватив с собой ведра и кастрюли для питьевой воды.

— Интересно, как называется этот остров? — любопытствовал Дулитл, карабкаясь по склону горы. — Выглядит славно. И сколько птиц!

— Да это Канарские острова, — небрежно бросила Даб-Даб. — Вы что, не узнаете пение канареек?

Доктор остановился и прислушался.

— Надо же? — закричал он. — Стыд-то какой? Конечно, это канарейки. Наверное, они могли бы объяснить, где у них вода.

Канарейки, знавшие о Джоне Дулитле от перелетных птиц, с радостью отвели его к своей купальне — чистому, холодному роднику, а потом показали ему дивные луга, поросшие вкусными птичьими травами, и прочие достопримечательности острова.

Тяни-толкай был очень доволен, что снова попал на землю: зеленая трава нравилась ему куда больше сушеных яблок, которыми он питался на корабле. А Габ-Габ визжал в упоении, обнаружив заросли дикого сахарного тростника.

Немного спустя, когда, напившись и наевшись до отвала, все лежали животами кверху и наслаждались трелями канареек, примчались две ласточки, очень взволнованные и возбужденные.

— Доктор? — зашебетали они. — Пираты в бухте, на вашем корабле. Они все в трюме, ищут, чем поживиться, а их корабль стоит совершенно пустой. Если вы поторопитесь, успеете попасть туда, а он здорово быстро плавает, наверняка спасетесь. Только быстрее, быстрее!

— Неплохая мысль, Замечательно! — потер руки Доктор.

Он собрал своих друзей, простился с канарейками и бегом побежал к берегу.

В бухте действительно стоял корабль с тремя красными парусами, и ни одного человека не было на его борту. Ласточки не ошиблись, пираты грабили докторский трюм.

Джон Дулитл приказал всем двигаться бесшумно, и они, крадучись, проникли на пиратское судно.

## **ГЛАВА 15. БАРБАРИЙСКИЙ ДРАКОН**

Конечно, все обошлось бы благополучно, не простудись поросенок на острове, объевшись мокрым сахарным тростником.

Беззвучно вытянули якорь, и корабль уже потихоньку двинулся прочь из бухты, когда Габ-Габ оглушительно чихнул. И пираты с соседнего судна, толкаясь, ринулись на палубу: незнакомый шум показался им подозрительным. Увидев, что Доктор ускользает, они поставили корабль поперек выхода из бухты, перекрыв единственный путь к спасению.

Вождь этих нехороших людей, называвший себя Бен Али-Дракон, погрозил Доктору кулаком и заорал:

— Хо-хо! Вот ты и попался, дружок! Задумал улепетнуть на моей посудине? Ты никудышный моряк и тебе не обхитрить Бена Али, Барбарийского Дракона. Твоя птичка мне по вкусу, да и поросенок тоже. Сегодня на ужин мы сварганим свиные котлеты и жаркое из утки. А ты, прежде чем я отпущу тебя восвояси, потребуешь у друзей сундук золота!

Бедный Габ-Габ захлюпал носом, а Даб-Даб решила спасти свою жизнь и приготовилась к отлету. Но тут филин Гу-Гу шепнул Джону Дулитлу:

— Заговорите его, Доктор, заболтайте. И ни в коем случае не сердите его. Наше

старое суденышко вот-вот потонет, помните, крысы сказали, что оно окажется на дне еще до захода солнца, а ведь крысы никогда не ошибаются. Будьте очень вежливым, пока они не начнут опускаться под воду. Отвлекайте его. Постарайтесь.

— Как-как? Прежде, чем зайдет солнце? — переспросил Доктор. — Все, что в моих силах — пожалуйста. Только вот о чем с ним болтать?

— Пусть они подойдут поближе! — яростно рычал Джип. — Мы одолеем этих грязных мерзавцев! Пусть только подойдут. Укусить настоящего пирата! Да соседская колли просто умерла бы от зависти. Пусть подойдут! Мы им покажем!

— Но, Джип, у них пистолеты и сабли, — урезонил его Доктор. — Ничего не получится. Видно, придется мне попробовать. Послушай, Бен-Али...

Дулитл даже не успел закончить, а пираты с ликующим хохотом бросились переставлять паруса, чтобы подплыть вплотную. Они подмигивали друг другу и переговаривались:

— Ну, кто первый — ловить жирного поросеночка?

Несчастный Габ-Габ затрясся от ужаса. Тяни-толкай подошел к мачте и принялся точить рога для великой битвы. Джип, взвываясь в воздух, яростно лаял и грубо ругался на собачьем языке.

И вдруг у пиратов что-то стряслось. Смех и шутки оборвались, они озадаченно завертели головами, а Бен Али, уставившись куда-то себе под ноги, неожиданно взревел:

— Гром и молния! Ребята, корабль дал течь?

Остальные свесились за борт и тоже увидели, что и в самом деле все глубже и глубже погружаются в воду.

— Но, Бен Али, если бы корыто собиралось затонуть, мы бы наверняка заметили убегающих крыс, — предположил один из пиратов.

И Джип крикнул им:

— Вы, безмозглые тупицы? Там просто не осталось ни одной крысы. Они слиняли два часа назад! Вот вам и «хо-хо», дружочки?

Конечно, пираты не поняли ни слова.

Вскоре их корабль начал опускаться носом вниз, все быстрее и быстрее, словно собирался встать на голову. Пираты карабкались на мачты, тросы, реи,

судорожно цепляясь за них, чтобы не соскользнуть.

Рычащее море ворвалось внутрь и с устрашающим бульканьем поглотило судно. Шестеро нехороших людей остались барахтаться в волнах глубокого залива. Некоторые решили добраться до берега, а другие поплыли напрямик к кораблю Доктора. Но Джип так грозно огрызался и лязгал зубами, что никто не решился вскарабкаться на борт.

И вдруг пираты хором завопили, пораженные внезапным страхом:

— Акулы! Все ближе и ближе! Пустите нас к себе, пока мы живы! Они сожрут нас, помогите! Акулы, акулы!

И действительно, бухта прямо-таки кишела большими рыбами, проворно рассекающими воду.

Огромная акула подплыла к кораблю, высунула наружу нос и вежливо спросила:

— Это вы Джон Дулитл, знаменитый звериный доктор?

— Да, ответил Доктор Дулитл. — Так меня зовут.

— Хорошо, — кивнула акула. — Они отвратительные, эти пираты, особенно Бен Али. Мы с удовольствием съедем их за ваше здоровье. И вас уж никто больше не беспокоит.

— Спасибо? — воскликнул Доктор. — Как мило с вашей стороны! Но мне кажется, их необязательно есть. Знаете, что, не подпускайте-ка их к берегу, пока я не скажу, пусть себе плавают, ладно? А Бена Али подгони сюда, я хочу с ним потолковать.

И Бен Али, преследуемый акулой, через секунду уже покачивался у самого борта.

— Слушай. Бен Али, — наклонился к нему Джон Дулитл. — Ты прожил свою жизнь как негодяй. Ты погубил много достойных людей. Эти славные рыбы только что предложили съесть вас всех до единого, чтобы сделать мне приятное. Наверное, только так и можно навсегда очистить окружающие моря... Но вот что. Если ты дашь слово беспрекословно слушаться, я отпущу вас целыми и невредимыми.

— А чего ты за это потребуешь? — поинтересовался Бен Али, косясь на гигантскую акулу, обнюхивающую его ногу.

— Придется тебе никого больше не убивать, — объяснил Доктор, — не топить

корабли, прекратить воровство — словом, бросить всю эту пиратскую канитель.

— А что дальше? — встревожился Бен Али. — На что мы будем жить?

— Вы должны высадиться на острове, — продолжал Доктор, — и разводить там птичий корм. Ты слышал о фермерах? Так вот, выращивать семечки для канареек — отличная работа.

Барбарийский Дракон побледнел от бешенства и омерзения.

— Выращивать птичий корм? — застонал он. — Выходит, моряком мне не быть?

— Нет, — отрезал Джон Дулитл. — Ты уже походил в моряках. Сколько надежных, крепких судов ты отправил на дно, сколько уничтожил людей! Хватит. Остаток своих дней ты проведешь фермером, в мире и спокойствии. Акула ждет, Бен Али, и время ее на вес золота. Решайся.

— Гром и молния? — проворчал пират. — Птичий корм?

Он снова взглянул на воду. Рыба принюхивалась уже к другой ноге.

— Ладно, — печально согласился он, — станем фермерами.

— И запомни? — Доктор погрозил ему пальцем. — Если не сдержишь слово, опять примешься за разбой и грабежи, — я непременно узнаю об этом. Канарейки сообщат. И уж будь уверен — я тебя накажу. Хотя я и не очень искусный моряк, зато все птицы, и звери, и рыбы — мои друзья, и мне не страшен никакой пиратский главарь. Пусть он даже и зовется Барбарийским Драконом. Теперь убирайся. Займитесь хозяйством и живите в мире.

Джон Дулитл обернулся к большой акуле, махнул рукой и сказал:

— Все в порядке. Пусть плывут к берегу.

## **ГЛАВА 16. ГУ-ГУ ПРИСЛУШИВАЕТСЯ**

Еще раз поблагодарив акул за их доброту, Доктор со своими друзьями продолжил путешествие на быстроходном корабле под тремя красными парусами. Когда они вышли в открытое море, звери спустились вниз — изучать судно изнутри. Доктор остался на палубе: прислонившись к кормовым поручням, он попыхивал трубкой и смотрел на Канарские острова, исчезающие в синих вечерних сумерках. Он пытался представить, что поделывают африканские обезьяны и как встретит его милый сад в Падлби, если, конечно, им суждено свидеться.

Неожиданно из люка пробкой выскочила сияющая Даб-Даб. Ее прямо-таки распирали новости.

— Доктор! — завопила она. — Пиратский корабль совершенно потрясающий! Там внизу кровати застелены таким желтым, бледно-желтым шелком, и сотни разных подушек и подушечек, на полу толстые, мохнатые ковры, тарелки серебряные, а еда просто невероятная, питье тоже. Я заглянула в кладовую — знаете, это настоящий магазин! Вы в жизни такого не пробовали, представляете, у них пять сортов сардин — что за люди? Пойдем поглядим. А еще мы нашли комнатку, запертую, и нам зверски хочется туда проникнуть. Джип говорит, там пираты прячут свои сокровища. Но мы никак не можем ее отпереть. Пойдем скорее, может, у вас получится!

Доктор последовал за ней. Корабль был, действительно, замечательный. А все звери, нетерпеливо и возбужденно галдя, сгрудились возле маленькой дверцы. Доктор покрутил ручку, но дверь не открылась. Принялись искать ключ. Посмотрели под половичком, потом перевернули все ковры, заглянули в буфеты, проверили ящики, полки и большие сундуки в корабельной столовой, обнюхали каждый уголок. И обнаружили еще целую кучу новых чудесных предметов, наверняка украденных пиратами с чужих судов. Кашмирские шали, расшитые золотыми цветами, прозрачные, как паучьи сети; коробки дивного ямайского табака; резные шкатулочки из слоновой кости, наполненные русским чаем; старинная скрипка с порванной струной и картинкой на нижней деке; огромные, выточенные из кораллов и янтаря шахматные фигуры; трость, в которой хитро прятался кинжал и выскакивал, стоило лишь потянуть за ручку; шесть винных бокалов с серебряным ободком по краям и прелестная большая перламутровая сахарница. Обыскали весь корабль, но подходящего ключа так и не нашли.

Они вернулись к дверце, и Джип заглянул в замочную скважину. Ее что-то загоразживало с той стороны, и он ничего не разглядел. Беспомощно столпившись у порога, они соображали, что делать дальше, и вдруг филин Гу-Гу прижал палец к губам:

— Т-с-с? Ну-ка, помолчите. У меня такое чувство, что внутри кто-то есть.

Все на мгновение притихли. Потом Доктор сказал:

— Ты, наверное, ошибаешься, Гу-Гу. Я ничего не слышу.

— Да я абсолютно уверен? — возмутился филин. — Тихо? Вот опять. Неужели вы не слышите?

— Нет, — растерялся Доктор. — А что это за звук?

— Там кто-то засунул руку в карман, — объяснил Гу-Гу.

— Ну, это вряд ли можно назвать звуком, — пожал плечами Доктор. — Во всяком случае, отсюда услышать его невозможно.

— Давайте не будем спорить, — попросил филин. — За свои уши я ручаюсь. И повторяю еще раз: с той стороны кто-то что-то засунул в карман. Видите ли, шум бывает практически от всего — если, конечно, у тебя слух достаточно острый. Летучие мыши распознают крота, шагающего по подземному туннелю, и считают, что они хорошие слухачи. Нам, филинам и совам, достаточно послушать, как котенок моргает в темноте, чтобы определить его цвет. При этом второе ухо можно даже заткнуть.

— С ума сойти, — смущенно пробормотал Доктор, — извини, что не поверил сразу. Пожалуйста, послушай еще. Что он делает теперь?

— А я вовсе не уверен, что это мужчина! — сообщил Гу-Гу. — Может, это и женщина. Поднимите-ка меня к замочной скважине, тогда я буду знать точно.

Доктор поднес филина к самому замку и держал там, пока он не прошептал:

— Вот он потер лицо левой рукой. Маленькая рука и маленькое лицо. Возможно, это женщина. Нет! Отбросил со лба волосы. Никаких сомнений, там существо мужского пола!

— Но женщины тоже так делают, — заметил Доктор.

— Правда, — согласился Гу-Гу, — но не забудьте, у них длинные волосы — и звук другой. Тише! Да уговорите как-нибудь этого поросенка! И на минутку задержите дыхание. Я буду слушать изо всех сил. Дурацкая дверь страшно толстая, но я попробую. Т-с-с... Замрите, закройте глаза и не дышите.

Гу-Гу прижал ухо к скважине и словно оцепенел. Наконец, он посмотрел прямо в глаза Джону Дулитлу и спокойно сказал:

— Человек за дверью очень несчастен. Он плачет. Старается не всхлипывать, не шмыгать носом — потому вам и невдомек. Но я совершенно отчетливо слышу слезу, упавшую на его рукав.

— А откуда ты знаешь, что это именно слеза? Может, просто с потолка капает, — предположил Габ-Габ.

— Какое невежество! — фыркнул филин. — Капля воды, шлепнувшись с

потолка, произвела бы раз в десять больше шума.

— Ну что ж, — развел руками Джон Дулитл, — если человек несчастен, надо поскорее попасть внутрь и выяснить, что же с ним стряслось. Поищите-ка топор, придется рубить эту дверь.

## ГЛАВА 17. ОКЕАНСКИЕ СПЛЕТНИКИ

Топор нашелся незамедлительно. И скоро Доктору удалось прорубить в двери дыру, достаточно большую, чтобы протиснуться внутрь.

Оказалось, что там очень темно и совсем ничего не видно. Доктор зажег спичку. Комната была крошечная, с низким потолком, без единого окошка. Из мебели стояла одна табуретка, да вдоль стен громоздились здоровые бочки, крепко приделанные к полу, чтоб их не расшвыривало во время шторма. На деревянных крючках покачивались кружки всевозможных размеров. Комнату наполнял густой винный дух. А в середине, на полу, сидел мальчик лет восьми и горько плакал.

— Бьюсь об заклад, это пиратский склад спиртного! — воскликнул Джип.

— Да-а, спиртнее некуда, — пожаловался Габ-Габ. — У меня уже голова кружится.

Обнаружив прямо перед собой незнакомого человека и целую кучу животных, с любопытством изучающих его сквозь дверной пролом, мальчик поначалу испугался. Но стоило ему только рассмотреть повнимательнее освещенное спичкой лицо Джона Дулитла, как он перестал рыдать и вскочил на ноги.

— Вы не пират, правда? — робко спросил он.

Доктор запрокинул голову и громко, звонко расхохотался. Мальчик тоже улыбнулся и, подойдя, дотронулся до его рукава.

— Вы смеетесь как друг, — решил он. — Совсем непохоже на пирата. Не знаете случайно, где мой дядя?

— Боюсь, что нет, — огорчился Дулитл. — А когда вы виделись в последний раз?

— Позавчера, — вздохнул мальчик. — Мы рыбачили с лодки, и тут появились пираты и схватили нас. Они потопили нашу лодчонку, а нас с дядей притащили сюда, хотели, чтоб он тоже стал пиратом — еще бы! Ведь никто не умел управляться с кораблями ловчее моего дяди — в любую погоду, при любом ветре! Он отказался наотрез, сказал, что убивать да грабить не годится

честному рыбаку. Тогда их начальник, его зовут Бен Али, прямо взбеленился, зубами скрипел от злости и грозился утопить дядю в море, если он не пойдет в пираты. Меня отвели вниз, и я слышал только, что на палубе шумели и дрались. А на следующий день мне разрешили подняться и выйти на воздух, я искал дядю повсюду, но его не было. Пиратов я тоже спрашивал, но они вообще ничего не ответили. Боюсь, они утопили его!

И мальчик снова заплакал.

— Ну-ну-ну, подожди-ка реветь! — замахал руками Доктор. — Пойдем лучше в столовую, попьем чайку, да все и обговорим. Может быть, твой дядя цел и невредим, ты ведь не знаешь наверняка, что он утонул, правда? А это уже кое-что. Мы постараемся найти его, мы поможем тебе, честное слово. Сейчас главное — чай с клубничным джемом. А вот потом будем решать, что делать.

Звери толпились вокруг и с интересом прислушивались.

Когда все расселись в корабельной столовой и налили себе по чашечке чая, Даб-Даб незаметно подкралась к Доктору сзади и шепнула ему на ухо:

— Спросите у дельфинов насчет этого дяди. Они обычно знают такие вещи.

— Неплохая мысль, — отозвался Доктор и намазал джемом второй ломтик хлеба.

— Послушайте, а зачем вы щелкаете? — изумился мальчик. — Ужас до чего забавные звуки.

— Просто я произнес пару слов на утином языке, — объяснил Дулитл. — Кстати, познакомься — это Даб-Даб, моя любимица.

— А я и не подозревал, что у уток есть свой язык! — восхищенно воскликнул мальчик. — А все остальные зверюшки — они тоже ваши любимцы, да? А это кто такой смешнющий, с двумя головами?

— Т-с-с? — предостерегающе зашипел Доктор. — Это тyani-толкай. Не смотри, а то он почувствует, что мы его обсуждаем и засмущается: чрезвычайно стеснительный. Расскажи лучше, как ты попал в ту комнатушку.

— Да пираты меня заперли, — ответил мальчик, — а сами ушли грабить другой корабль. Знаете, когда стали рубить дверь, я понятия не имел, кто ко мне ломится. Вот здорово, что это оказались вы! Как думаете, моего дядю можно найти?

— Ну, во всяком случае, мы очень постараемся, — пообещал Доктор. — А как он выглядел, твой дядя?

— У него были рыжие волосы. Ужасно рыжие. И на руке татуировка, такая картинка с якорем. Он был очень сильный и добрый, и самый лучший моряк во всей Южной Атлантике. Его лодка называлась «Веселая Салли». Шлюп с оснасткой катера.

— Что такое «любосладкатера»? — обернувшись к Джипу, вполголоса спросил Габ-Габ.

— Тихо ты! — рявкнул Джип. — Это просто корабль. Да не дергайся ты, посиди спокойно!

— О-о, всего-навсего... — разочарованно пробормотал поросенок. — А мне показалось, он имеет в виду какой-то напиток.

Доктор оставил мальчика в столовой играть со зверями, а сам поднялся на палубу и принялся высматривать дельфинов. Вскоре появилась целая стайка; приплясывая и кувыркаясь, они держали курс на Бразилию. Заметив перегнувшегося через поручни Доктора, дельфины немедленно подплыли поближе — узнать, как он поживает. И Доктор, как мог, описал рыжеволосого человека с татуировкой на руке.

— Ага! — закивали головами дельфины. — Вы говорите о хозяине «Веселой Салли».

— Именно. Этот самый человек. — Доктор занервничал. — Что, он утонул?

— Его рыболовная лодка утонула, — уточнили дельфины. — Мы видели ее лежащей на морском дне. А внутри было пусто — мы специально проверяли.

— Понимаете, какое дело, — продолжал Дулитл, — его маленький племянник сейчас со мной на корабле. И страшно боится, что пираты бросили дядю в море. Пожалуйста, выручите нас, разузнайте, утонул он или нет — чтоб уж не сомневаться.

— Тут и искать нечего! — уверенно замотали носами дельфины. — Если бы он и вправду утонул, нам давно бы дали знать глубоководные десятиногие раки. Мы всегда в курсе самых последних новостей, если, конечно, не брать в расчет пресные воды. Моллюски даже прозвали нас Океанскими Сплетниками. Значит — передайте малышу наши извинения, что не видели его дядю. По крайней мере, мы можем поручиться: в море он не утонул. Так что не переживайте там очень? Все обойдется.

Доктор побежал вниз и пересказал мальчику слова дельфинов. От радости тот захлопал в ладоши, а тяни-толкай усадил его к себе на спину и повез вокруг обеденного стола. Все остальные торжественно вышагивали следом и изо всех сил колотили ложками о крышки, изображая парад.

## **ГЛАВА 18. ЗАПАХИ**

— А вот теперь, когда мы знаем, что твоего дядю не бросили в море, — сказал Джон Дулитл, — его надо найти. Вот, собственно, в чем штука.

И опять Даб-Даб шепнула ему в самое ухо:

— Обратитесь к орлам, пусть они поищут этого человека. Ни у кого в мире нет таких зорких глаз. С высоты в несколько миль они спокойно могут сосчитать муравьев, копошащихся в песке. Я полагаю, к ним имеет смысл обратиться.

И Доктор послал за орлами одну из ласточек. Примерно через час птичка вернулась. А вместе с ней прилетели шесть разных орлов: Черный Орел, Лысый Орел, Орел-Рыбод, Золотой Орел, Гриф и Морской Орлан-Белохвост. И каждый из них был в два раза выше мальчика.

Они сидели в ряд на поручнях корабля, похожие на сутулых солдат, суровые, тихие, неподвижные, и только огромные мерцающие черные глаза метались на застывших лицах, изучая пространство.

Габ-Габ, испугавшись, спрятался за бочку. Ему почудилось, что страшные глаза заглянули к нему прямо в живот, туда, где лежал украденный полдник.

А Доктор так обратился к орлам:

— Потерялся человек, рыбак с рыжими волосами и якорем, вытатуированным на руке. Может быть, вы согласились бы помочь нам? Поверьте, это чрезвычайно важно — вот мальчик, он племянник рыжеволосого рыбака.

Орлы не любят много говорить.

— Ради Джона Дулитла мы готовы на все, — хрипло произнесли они и улетели.

Габ-Габ вылез из-за своей бочки и долго смотрел им вслед. Вверх, вверх, вверх поднимались они, выше, выше и еще выше, и, когда Доктор уже с трудом различал их, — разделились, и в разные стороны — на север, на восток, на юг и на запад — рассыпались по бескрайнему синему небу крохотные черные песчинки.

— Господи Боже мой! — приглушенно ахнул Габ-Габ. — Ну и высота... Этак можно и перышки опалить — вон, солнце-то совсем рядом?

Орлы исчезли надолго. Возвратились они только поздно вечером и доложили Доктору:

— Мы обследовали все моря, все страны, все острова, города и деревни данной половины мира. И потерпели неудачу. На главной улице Гибралтара у дверей пекарни стояла тачка, и в ней лежали рыжие волосы. Но не человеческие. Это были три шубы. Меха. Нигде — ни на воде, ни на земле — не видели мы следов этого человека. А если мы не видели, значит, его увидеть нельзя. Для Джона Дулитла мы сделали все, что в наших силах.

И шесть гигантских птиц развернули крылья, и захлопали эти огромные крылья и унесли их по домам, на скалы и утесы.

— Понятно, — сказала Даб-Даб, когда орлы скрылись из виду. — А дальше-то что? Дядю необходимо найти — это ясно, как Божий день. Парнишка еще слишком мал, чтоб мотаться по свету в одиночку. Мальчишки это вам не утята, за ними глаз да глаз нужен, пока не вырастут. Хоть бы Чи-Чи была здесь! Она бы в момент нашла этого рыбака. Славная, чудесная Чи-Чи! Как-то она поживает в своей Африке?

— Вот если бы Полинезия была здесь! — мечтательно пропищала белая мышь. — Она бы уж точно что-нибудь придумала. Вы только вспомните, как ловко она спасла нас из тюрьмы, особенно во второй раз! Ой-ой-ой, вот она была голова!

— Я об этих ребятах — орлах — не высокого мнения, — перебил ее Джип. — Они просто самодовольные болваны. Может, у них и впрямь хорошее зрение и все такое, но это еще не повод хамить. С ума сойти — ну, слабо им найти человека, так нет чтобы постыдиться! Они являются и вешают нам лапшу на уши, мол, это никому не под силу. Спесивые мешки с перьями, один к одному наша колли из Падлби. Тьфу! И старым болтунам — я про дельфинов — тоже нечего доверять.

Подумаешь, натрепали, что рыбака нет в море. А нам неинтересно, где его нет, нам интересно, где он есть.

— Ох, замолчи, ради Бога! — взмолился Габ-Габ. — Говорить-то легко, а попробуй разыщи человека в целом огромном мире! Может, рыбака так беспокоил о племяннике, что поседел, вот орлы и не нашли его. Откуда ты знаешь? Болтаешь только попусту, а ничего путного не делаешь. Тебе самому слабó помочь бедному ребенку, вот и помалкивай.

— Мне слабó? — оскалился Джип. — Да что ты понимаешь, идиотская ветчина на ножках! Я еще и не начинал, ясно?

И Джип пошел к Доктору.

— Выясните у мальчика, — велел он, — не осталось ли у него в карманах чего-нибудь дядиного, — и добавил: — пожалуйста.

Мальчик показал им золотое кольцо на ниточке, которое он носил на шее, потому что с пальца оно сваливалось. Кольцо дядя передал ему, когда заметил, что приближаются пираты.

Джип понюхал и поморщился:

— Бесполезно. Может, еще что найдется?

Мальчик порылся в карманах и вытащил большущий красный носовой платок.

— Это тоже дядин, — грустно сказал он.

И в то же мгновение Джип, подпрыгнув, завопил:

— Нюхательный табак, черт подери! «Черный Рэппи», да неужели вы не чувствуете? Его дядя нюхал табак — переведите ему, Доктор!

Дулитл перевел, и мальчик удивленно кивнул:

— Да. Дядя ужасно любил табак.

— Отлично! — обрадовался Джип. — Считайте, что рыбака нашелся. До смешного легко, все равно как у котенка молоко стащить. Скажите ему, что своего дядю он получит через неделю, может, даже раньше. И пошли наверх, посмотрим, откуда дует ветер.

— Но сейчас темно, — растерялся Доктор. — Ты же не разглядишь его в темноте.

— На кой черт мне свет, если человек, которого я ищу, пахнет табаком «Черный

Рэппи»? — засмеялся Джип, взбираясь по ступенькам. — Понятно, бывают трудные запахи — веревка там или горячая вода, — тогда другое дело. Но нюхательный табак!

— А что, горячая вода пахнет? — осторожно поинтересовался Доктор.

— Еще бы! — фыркнул Джип. — И, кстати, здорово отличается от холодной. А взять теплую воду или лед — тут надо поломать нос как следует, это всем запахам запахи. Помню, как-то ночью я шел за одним парнем — миль десять, не меньше — по запаху горячей воды, с которой он обычно брился. У бедолаги не было мыла. Вот так-то. Ну ладно, где тут ветер? Это чертовски важно, когда нюхаешь на большом расстоянии, — чтоб не очень свирепый и, главное, в нужную сторону. Славный, ровный, влажный ветерок — мечта всякой собаки. Ага, дует с севера.

Джип направился на нос корабля, замер там, нюхая ветер, и вдруг забормотал:

— Деготь, испанский лук, керосин, мокрые плащи, толченный лавровый лист, жженная резина, тюлевые занавески в тазу — нет, ошибочка: тюлевые занавески, повешенные для просушки, — и лисы, сотни, сотни — лисята...

— И ты слышишь все это в одном ветре? — прервал его потрясенный Доктор.

— Естественно, — кивнул Джип. — Да это сильные запахи, простые — дребедень. Такой запах разберет любая дворняжка, даже простуженная, с соплями. Потерпите минутку, сейчас пойдут тонкие, нежные запахи, придется поработать.

Он закрыл глаза, слегка приоткрыл рот и, высоко задрав морду, принялся внюхиваться. Он долго молчал, не шевелясь и, казалось, даже не дыша, и в темноте походил на камень. Наконец зазвучал его голос. Джип почти пел, тихо, печально, сонно.

— Кирпичи, — шептал он, — старые желтые кирпичи садовой стены, раскрошившиеся от старости; сладкое дыхание телят, стоящих в горном ручье; плоская крыша голубятни — а может быть, амбара, освещенная полуденным солнцем; черные лайковые перчатки в комоде орехового дерева; пыльная дорога, под платанами поилки для лошадей; молодые грибы, пробивающиеся сквозь прелую листву — и-и-и...

— Как насчет пастернака? — полюбопытствовал Габ-Габ.

— Нет, — отрезал Джип. — Тебе бы только поесть. Никакого пастернака. И никакого нюхательного табака. Пожалуйста вам — куча трубок, сигарет, даже

сигары — ненужный хлам. Все никуда не годится. Будем ждать, пока ветер не переменится на южный.

— Ах, это ветер виноват! — закатил глаза поросенок. — Мне кажется, ты притворяешься, Джип. Невозможно посреди океана учуять человека. Я же говорил, ничего не выйдет.

— Послушай, ты, нахал! — разъярился Джип. — Не воображай, что если Доктор тебя защищает, то все позволено. Сейчас я отгрызу твою мерзкую хрюкалку!

— Ну-ну, не надо сердиться, — урезонил их Дулитл. — Жизнь так коротка... Скажи-ка, Джип, откуда пришли эти запахи?

— В основном, из Девона и Уэльса, — отозвался Джип. — Ветер-то оттуда.

— Ну да, ну да, — закивал Доктор, — знаешь, это просто потрясающе. Надо записать, выйдет отличная тема для новой книги. Скажи, ты не против обучить меня этак управляться с запахами? Хотя нет. Лучше не рисковать: как говорится, «от добра добра не ищут». Вот что — пойдемте ужинать. Я, например, очень даже проголодался.

— И я! — воскликнул Габ-Габ.

## ГЛАВА 19. СКАЛА

Рано утром они вылезли из своих шелковых постелей и увидели, что над кораблем ярко сияет солнце, а ветер дует с юга. Добрых полчаса нюхал Джип этот южный ветер, а потом затряс головой и раздраженно проворчал:

— Пока ничего нового. Подождем восточного ветра.

В три часа пополудни действительно задуло с востока, но собака так и не смогла поймать нужный запах.

И мальчик потерял надежду. Он снова заплакал и, всхлипывая, разочарованно приговаривал, что никто, никто на свете уже не поможет ему в его страшной беде. Джип ткнул Доктора носом:

— Скажите ему, что когда ветер переменится на западный, я найду его дядю, будь он хоть в Китае, хоть на краю земли. Если, конечно, он не бросил нюхать «Черный Рэппи».

Три долгих дня ждали они западного ветра. Он задул в пятницу, на рассвете. Дождевая пыль легла на море, как плотный густой туман. Ветер был мягкий, теплый и влажный. Проснувшись, Джип взбежал на палубу и задрал голову.

Внезапно шерсть у него на спине поднялась дыбом, он круто развернулся и сломя голову помчался вниз.

— Доктор! — закричал Джип, вцепившись зубами в одеяло. — Доктор, вставайте! Представляете, я нашел его. Ветер с запада — сплошной нюхательный табак. Идите наверх и снимайтесь с якоря, да быстрее же!

Доктор скатился с кровати и заторопился к штурвалу.

— Я встану впереди, — командовал Джип, — а вы следите за моим носом — куда покажу, туда и поворачивайте. Рыбак где-то тут неподалеку — я точно знаю, уж больно запах крутой. Повезло нам — ветер мокрый, ровный. Следите за мной!

Все утро Джип показывал дорогу, а звери и мальчик, столпившись вокруг, наблюдали за ним широко раскрытыми, изумленными глазами. Около полудня Джип забеспокоился и попросил Даб-Даб передать Доктору, что им нужно поговорить. Утка отправилась на корму и привела Дулитла.

— Рыбак умирает с голоду, — сообщил ему Джип. — Вы должны увеличить скорость.

— Да с чего ты взял, что он голоден? — поднял брови Доктор.

— С запада несет одним табаком, — объяснил Джип. — Если бы он ел что-нибудь или готовил, я бы непременно учуял. У него даже пресной воды нет. Только табак — и чуть ли не по горсти зараз? Ясно, мы все ближе и ближе, потому что запах крепчает. Но вы все-таки заставьте эту посудину плыть побыстрее, потому что человек помирает с голоду. И не спорьте.

— Хорошо, — кивнул Доктор и послал Даб-Даб за ласточками — просить их впрячься в корабль и тянуть, тянуть его вперед, как и в прошлый раз, когда их преследовал Бен Али.

Отважные маленькие птицы сейчас же спустились и снова принялись за нелегкую работу. Судно бешено понеслось по волнам. Оно мчалось так быстро, что морским рыбам, попадавшимися на пути, приходилось отскакивать в сторону, спасаясь от неминуемой гибели.

Животные волновались. Не обращая уже никакого внимания на Джипа, они пристально глядели вдаль, в океан, и глаза их искали берег, остров, любой клочок суши, где мог приютиться страдающий от голода человек. Но проходил час за часом, а земля не показывалась, корабль по-прежнему окружала вода, бескрайняя, бессмысленная вода. Звери замолчали. Они сидели на палубе притихшие, взъерошенные, несчастные. И мальчик опять погрустнел. И даже на

лице Джипа появилось выражение тревоги.

Только к вечеру, когда солнце упало почти к самому горизонту, все вздрогнули от внезапного пронзительного крика Гу-Гу, который сидел, взгромоздившись на верхушку мачты:

— Джип! Джип! Впереди большая-пребольшая скала — смотри туда, где небо сходится с водой! Видишь, от солнца она горит золотом? Что, запах идет оттуда?

— Точно! — откликнулся Джип. — То, что надо. Человек там. Наконец-то.

Подплыв, они рассмотрели скалу получше. Она оказалась огромной, как настоящее поле, но совершенно пустой — ни деревьев, ни травы; огромный камень был гладким и голым, словно спина черепахи. Доктор отправил корабль огибать эту скалу. Звери щурились, всматриваясь изо всех сил. Дулитл принес из каюты подзорную трубу. Но нигде не увидели они человека. Не было там ни чайки, ни морской звезды, ни комочка водорослей.

Затаив дыхание, стояли они и слушали, насторожив чуткие уши. Но только волны плескались внизу, весело разбиваясь о борт корабля. Они принялись звать.

— Эгей! Эй! Э-ГЕ-ГЕЙ! — кричали они, пока не охрипли. И только эхом отвечала им каменная скала.

По щекам мальчика покатались слезы.

— Наверно, я никогда, никогда больше не увижу дядю. Что я скажу дома, Господи Боже мой! — зашептал он.

Джип потянул Доктора за брюки.

— Но рыбак должен быть здесь, должен! — настаивал он. — Запах кончается здесь, понимаете? Никакой ошибки быть не может. Давайте подплывем, мне надо попасть туда.

Корабль подошел почти к самой скале. Бросили якорь. Джип и Дулитл выбрались на каменный берег. Джип, низко опустив голову и припав носом к земле, бросился нюхать. Он носился взад-вперед, кружил, петлял, вертелся, подпрыгивал, и, чуть не наступая ему на пятки, неотступно следовал за ним Доктор, пока совсем не выбился из сил.

Наконец Джип оглушительно залаял и уселся на холодный камень. Доктор подбежал, тяжело дыша, и глазам своим не поверил: посреди скалы зияла черная, глубокая дыра.

— Рыбак там, внизу, — спокойно сообщил Джип. — И нечего удивляться, что эти глупые орлы не смогли его найти. В таком деле требуется собака.

Доктор заглянул в дыру. Она была похожа на узкую пещеру и вела куда-то вглубь. Доктор зажег спичку и полез по длинному извилистому тоннелю. Джип шел сзади. Скоро спичка погасла. Пришлось зажечь новую, потом еще и еще одну. Тоннель внезапно кончился, и Доктор очутился в крошечной каменной камерке. На полу, положив голову на руки, лежал человек с огненно-рыжими волосами и крепко спал.

Джип, подкравшись к нему, понюхал что-то, валяющееся рядом. Дулитл наклонился и подобрал гигантскую табакерку, набитую «Черным Рэппи»!

## **ГЛАВА 20. РЫБАЦКИЙ ГОРОДОК**

Осторожно, очень осторожно Доктор разбудил спящего. И тут снова погасла спичка. В наступившей темноте, да еще спросонья, рыбак принял Дулитла за грозного Бена Али и принялся неистово молотить кулаками. Доктор поспешно представился и добавил, что на их корабле маленький мальчик, спасенный от пиратов, ждет своего дядю.

Рыбак и обрадовался, и застыдился, и долго извинялся, что зря поколотил хорошего человека. Правда, Доктору не было очень уж больно — ведь в такой темнотище трудно врезать как следует. Смущенный рыбак угостил Дулитла понюшкой табаку и рассказал свою историю с самого начала: как Барбарийский Дракон привез его на эту скалу и бросил одного — за отказ стать пиратом... — и как он привык спать в пещере: на проклятой каменной штуковине не нашлось другого места, чтоб согреться. Он помолчал, помолчал и грустно признался:

— Четыре дня не ел, не пил, табачком перебивался.

— Слышите? — торжествующе воскликнул Джип. — А я что говорил?

И вот, зажигая спичку за спичкой, они пустились в обратный путь.

— Скорей, — торопил рыбака Дулитл. — Скорей на корабль. Мы сварили вкуснейший суп.

Разглядев, что Доктор и Джип возвращаются вместе с рыжеволосым человеком,

мальчик и звери завопили от счастья и запрыгали по палубе в радостном танце. А ласточки в вышине, тысячи, миллионы ласточек засвистели во весь голос, ужасно довольные, что храбрый рыбак наконец отыскался. Они подняли такой шум, что моряки в окрестных и дальних водах приняли его за приближающийся шторм.

— Черт... Вон как завывает на востоке, — ворчали они.

Джип очень гордился собой, хотя и старался скрыть это от посторонних глаз. Когда Даб-Даб подошла к нему выразить свое восхищение и нежно сказала: «Джип, а я и не догадывалась, что ты такой умный», — он только тряхнул головой и пренебрежительно бросил:

— А, ерунда. Если надо найти человека, требуется собака, вот и вся хитрость. Птицы тут не годятся.

Доктор узнал у рыжеволосого рыбака, где он живет, и попросил ласточек помочь туда добраться. Подплыв к берегу, они увидели городок, разбросанный у подножия высокой скалистой горы, и рыбак показал им родной домишко. Бросили якорь. А к причалу уже бежала женщина, сестра рыбака и мать мальчика — и смеялась, и плакала, и опять смеялась. Двадцать долгих дней просидела она на холме, не отрывая глаз от безжалостного моря, и все ждала, и надеялась, что ее любимые вернутся домой. Она налетела на Доктора и поцеловала его множество раз, а он захихикал и покраснел, как школьница. Она хотела целовать Джипа, но он ловко увернулся и, удрав, спрятался на корабле.

— Еще чего, целоваться! — ругался он. — Ненавижу это. Если ей приспичило, пускай целует Габ-Габа!

Рыбак и его сестра ни за что не хотели отпускать Доктора. Они умоляли его отложить отъезд хоть на несколько дней. Пришлось остаться в славном приморском городке на субботу, на все воскресенье и на пол понедельника.

Местные мальчишки собирались у причала и, тыча пальцами в огромное судно, шептались:

— Глядите! Это пиратский корабль. Его хозяином был Бен Али, самый страшный пират семи морей. А пожилой джентльмен в высоком цилиндре, что остановился у миссис Тревеллен, отобрал его корабль, а самого заставил работать фермером. А ведь сразу никак не скажешь, он с виду покладистый и добрый и все такое, правда?... Вон какие красные парусищи! Злобный, гадкий корабль. Б-р-р...

За два с половиной дня, что провел Джон Дулитл в маленьком рыбацком

городишке, у него не выдалось ни одной свободной минутки: жители наперебой приглашали завтракать, обедать, пить чай, да и просто на вечеринки, дамы присылали букеты цветов и коробки с леденцами, а городской оркестр каждую ночь играл под окошком, не умолкая до самого рассвета.

Наконец Доктор заявил:

— Милые мои, мне пора. Вы были очень добры ко мне, и я запомню это навсегда. Но, к сожалению, нам надо ехать — дела, дела, ничего не поделаешь.

И вот, когда Доктор уже собрался в дорогу, на улице показался Мэр города, окруженный людьми в парадных костюмах. Мэр остановился напротив дома, где жил Дулитл. Конечно, весь город немедленно сбежался посмотреть, что происходит.

Шестеро мальчиков протрубили в сверкающие трубы, и наступила тишина. Доктор вышел на крыльцо.

— Доктор Джон Дулитл! — заговорил Мэр. — Я бесконечно счастлив, что мне выпала честь преподнести вам от имени благодарных жителей нашего достойного города маленький подарок, памятный знак освободителю морей от Барбарийского Дракона. — Он вынул из кармана бумажный пакетик и, развернув его, протянул Доктору замечательные часы с настоящими бриллиантами на крышке. Из другого кармана он вытащил сверток побольше и спросил: — Где собака?

Стали искать. Наконец Даб-Даб обнаружила Джипа на другом конце города, во дворе конюшни, посреди скопища местных псов, затаивших дыхание от преклонения и почтения. Джип неохотно последовал за уткой. Завидев их, Мэр развязал сверток. Бумага упала на землю. Он держал в руках ошейник из чистого золота. Все ахнули от изумления. А Мэр, нагнувшись, застегнул ошейник на мохнатой шее. Крупными буквами на нем было написано: «Джипу — самой умной на свете собаке».

Жители города толпой двинулись к берегу — провожать Доктора и его зверей. Рыжеволосый рыбак, его сестра и племянник без умолку благодарили Доктора и Джипа и никак не могли остановиться.

Наконец большой быстроходный корабль взял курс на Падлби и вышел в море, а городской оркестр на берегу все продолжал играть.

## **ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ. СНОВА ДОМА**

Мартовские ветра задули и стихли, кончились апрельские ливни, майские почки лопнули и превратились в цветы. Уже июньское солнце ласково пригревало поля, когда Джон Дулитл возвратился на родину. Он не сразу поехал в Падлби. Одолжив у цыган фургончик, Доктор принялся колесить по стране, останавливаясь на сельских ярмарках. Здесь кувыркались акробаты, там — веселили народ Панч и Джуди, а Доктор прибывал на фургончик большую вывеску:

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!

ТОЛЬКО У НАС УДИВИТЕЛЬНОЕ ДВУХГОЛОВОЕ ЖИВОТНОЕ АФРИКАНСКИХ  
ДЖУНГЛЕЙ!

ВХОД — 6 ПЕНСОВ.

Тяни-толкай стоял в фургончике, а все остальные звери лениво валялись в тени. Доктор сидел на стульчике перед дверью, собирал шестипенсовики и улыбался всем входящим, а Даб-Даб брюзжала и бранилась, потому что стоило ей отвернуться, как он, хитро подмигивая, пускал детей бесплатно. Приходили владельцы зверинцев и циркачи и просили Доктора продать странное существо, предлагая огромные деньги. Доктор качал головой и отказывался:

— Тяни-толкая нельзя запирать в клетку. Он так же свободен, как вы и я.

Так они кочевали от деревни к деревне, и множество забавных происшествий случилось с ними, но после великих приключении, пережитых в чужих странах и морях, все казалось скучноватым. Сперва им понравилось чувствовать себя частью циркового мира, но и это быстро надоело, и хотелось только одного — скорее попасть домой.

К счастью, очередь желающих поглазеть на африканское чудо не уменьшалась, шестипенсовики так и сыпались, и Дулитл вскоре смог со спокойной душой бросить эту жизнь.

И вот, в один прекрасный день, когда шиповники стояли в самом цвету, он вернулся в Падлби в свой маленький домик, окруженный огромным садом, вернулся богатым человеком. Старая хромая лошадь очень обрадовалась друзьям, и ласточки, успевшие уже соорудить под стрехой гнезда и вывести птенцов, были рады, и Даб-Даб, хоть ее и встретили кучи пыли и заросли паутины по всем углам милого старого дома, тоже напевала и веселилась, взявшись за тряпку. Джип, навестив соседскую спесивую колли и похваставшись золотым ошейником, принялся как сумасшедший носиться по саду, разыскивая давным-давно закопанные косточки и гоняя крыс, а Габ-Габ

бросился подкапывать трехфутовый хрен в углу сада, у самой изгороди.

А Доктор отправился к моряку и купил ему взамен старого два новых корабля, а его ребенку — резиновую куклу. Он заплатил бакалейщику за провизию, взятую в плавание. И, конечно, приобрел новое пианино, чтоб поселить туда белых мышей, — в ящике комода они постоянно жаловались на сквозняк.

А потом он наполнил до краев старую копилку, стоявшую в кухне на верхней полке и очень удивился, потому что осталась целая куча денег. Пришлось ему раздобыть еще три точно таких же копилки, чтобы разместить свое богатство.

— Деньги — это дрянь, чепуха, — довольно пробормотал он, — но все-таки славно, если о них не приходится думать.

— Ну еще бы, — хмыкнула Даб-Даб, жарившая к чаю оладьи.

Наступила зима, за кухонным окошком закружились снежные хлопья. Доктор и звери, сытно поужинав, рассаживались вокруг теплого огня, и он читал им вслух свои новые книги.

А далеко-далеко, в Африке, под круглой желтой луной обезьяны, устраиваясь на ночлег в раскидистых пальмовых кронах, так говорили друг другу:

— Интересно, что поделывает сейчас Добрый Человек — там, в Стране Белых Людей? Как вы думаете, он вернется?

И Полинезия скрипела с дикой виноградной лозы:

— Я думаю, вернется — мне кажется, вернется — я надеюсь, вернется!

И тогда крокодил рявкал на них из черной илистой реки:

— Я УБЕРЕН, он вернется! Немедленно спать!